

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

УДК 42

Ф 74

ФОЗИЛОВА МАХИНА АДАШЕВНА

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРИКА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность: 5А 120102

Лингвистика (английский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на получение степени магистра

Научный руководитель:»

к.ф.н, доц. Исмаилов А.Р.

САМАРКАНД – 2016

Концептуальная метафорика английского языка

Аннотация

Настоящая магистерская диссертация выполнена в объёме следующей проблематики:

- Концептуальная метафорика как явление [толкование метафоры, теоретическая сущность концептуальной метафорики] – **Глава 1;**
- Концептуальная метафорика в словаре [концептуальная метафора как художественный образ в словарной интерпретации, этапы словарной терминологизации метафорической концептуализации, общие признаки словарной репрезентации концептуально-метафорической терминологии, концептуально-метафорическое моделирование в словаре, словарное группирование концептуальных метафор, словарная деривация концептуальных метафор] – **Глава 2;**
- Концептуальная метафорика в тексте [общий подход к текстовому анализу концептуальной метафорики, перенос наименования концептуальных метафор в тексте, принципы контекстуальной трансформации концептуальной метафорики] – **Глава 3.**

Conceptual metaphors in English

Annotation

This master's thesis is made in the amount of the following issues:

- The conceptual metaphor as a phenomenon
- Conceptual metaphors in the dictionary [conceptual metaphor as an artistic image in the dictionary interpretation stages dictionary terminologization metaphorical conceptualization, common features of the dictionary representation of the conceptual and metaphorical terms, conceptual and metaphorical modeling in the dictionary, t
- Conceptual metaphors in the text of [the general approach to textual analysis of conceptual metaphors, the transfer of names of conceptual metaphors in the text, the principles of contextual transformation of conceptual metaphors]

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Концептуальная метафорика, как явление.....	21
1.1. К проблеме понимания метафоры.....	21
1.2. Теоретическая сущность концептуальной метафорики.....	26
1.3. Когнитивность метафоры.....	29
Выводы по 1-ой главе.....	34
Глава 2. Концептуальная метафорика в словаре.....	37
2.1. Концептуальная метафора как художественный образ в словарной интерпретации.....	37
2.2. Этапы словарной терминологизации метафорической концептуализации.....	38
2.3. Общие принципы словарной репрезентации концептуально-метафорической терминологии.....	41
2.4. Концептуально-метафорическое моделирование в словаре.....	44
2.5. Словарное группирование концептуальных метафор.....	46
2.6. Словарная деривация концептуальных метафор.....	50
Выводы по 2-ой главе.....	56
Глава 3. Концептуальная метафорика в тексте.....	58
3.1. Общий подход к текстовому анализу концептуальной метафорики.....	58
3.2. Функциональный аспект концептуальной метафорики текста.....	63
3.3. Перенос наименования концептуальных метафор в тексте.....	70
3.4. Принципы контекстуальной трансформации концептуальной метафорики.....	79
Выводы по 3-ей главе.....	85

Заключение.....	88
Список использованной литературы.....	92

Введение

Президент Республики Узбекистан Ислам Абдуганиевич Каримов при определении основ национальной модели общественного развития заметил, что “только та страна, та нация может добиться великого будущего, процветания и благополучия, которая сумеет подготовить знающих, профессионально грамотных и энергичных личностей, настоящих патриотов своей страны, обогатить их огромным духовным наследием великой национальной культуры, приобщить к сокровищам мировой культуры и науки” [1,с 247]

На этом концептуальном положении и строится вся Национальная программа по подготовке кадров, где излагается стратегия страны на воспитание нового поколения кадров “с высокой общей и профессиональной культурой, творческой и социальной активностью, умением самостоятельно решать задачи на перспективу” [6,с 35]

Именно от быстрейшего претворения в жизнь столь масштабных проблем общегосударственной значимости зависит во многом динамика интеграции Республики Узбекистан в мировое сообщество.

В своём докладе “Узбекистан, устремлённый в XXI век” на XIV сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан первого созыва (14 апреля 1999г.) Ислам Абдуганиевич Каримов опять обращается к Национальной программе по подготовке кадров. При этом он особенно выделяет такой тезис: “Без её решения практически нельзя видеть свою перспективу. Реализация национальной программы без преувеличения должна стать основой для

достижения нашей стратегической цели – формирование процветающего, сильного демократического государства, гражданского общества” [3, с 2]

Исходя из вышесказанного, очевидна всё возрастающая роль науки в ускоренном осуществлении Национальной программы по подготовке кадров [6].

Актуальность исследования. В лингвистической науке проблема метафоры – и как процесса, создающего новые значения языковых выражений в ходе их переосмысления, и как уже готового метафорического значения – рассматривалась издавна и всегда скорее как стилистическое средство или художественный прием, реже – как средство номинации, еще реже – как способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении[8, 21].

В последние десятилетия (условно – с начала 1960-х годов) проблема метафоры стала, расширяясь подобно кругам на воде от брошенного камня, волновать специалистов по семантике, логической семантике и науковедению. В их исследованиях, проведенных с позиций этих отраслей знания, были получены новые сведения о роли метафоры в процессах познания и в организации знаковых систем науки, техники, искусства и «крикошетом» – естественного языка. Чем вызван такой широкий интерес к проблеме метафоры? Прежде всего начавшимся еще в конце века изменением научной парадигмы гуманитарного знания, перешедшей, благодаря смене статического воззрения на мир как на жестко упорядоченную совокупность элементов, частиц и т. п., на рассмотрение мироздания как динамической системы разворачивающихся вокруг человека «атомарных фактов», т. е. событий, явлений, свойств и т. п., «поглотивших» элементарные сущности, как предметные переменные, вовнутрь. В центре

внимания оказалась деятельность человека [17, с.6], обеспечивающая ему ориентацию в мире, его практическое освоение, познание и понимание процессов, происходящих во внешнем и внутреннем для него мире. Этот переход на постижение «глубинных» связей и отношений в природе оказал влияние и на методы изучения языковых систем, в которых стали вскрываться «глубинные» структуры, скрытые за ними смыслы и закономерности их трансформаций в ходе организации высказывания, где ведущая роль принадлежит не только говорящему, но и адресату, ибо от его понимания зависят условия удачи коммуникативной деятельности [94].

Именно в этом контексте научного поиска и возрождается в лингвистике интерес к метафоре, «поверхностный» уровень которой являет собой «буквальное» значение, уже не указывающее на реальное обозначаемое метафорического значения. К тому же стало ясно, благодаря исследованию номинативной деятельности и ее продукта – наименований разных типов [см., например, 7, с.93], что именно метафора является одним из наиболее продуктивных способов смыслопроизводства на всех значимых уровнях языковой структуры – на лексическом, синтаксическом и морфемном [91]. Но особенную активность этот способ создания новых смыслов на базе уже существующих и оязыковленных проявляет в пополнении лексикона – как обиходно-бытового, так и научно-терминологического. Когда метафору стали рассматривать в более широком эвристическом контексте, чем собственно языковедческий, а именно – семиотическом – и особенно – логико-семантическом, она предстала как такой способ мышления о мире, который использует прежде добытое знание. На этой основе возникло представление о метафоре как о модели выводного знания: из некоторого ещё не четко «додуманного» понятия формируется новый концепт за счет использования «буквального» значения выражения и сопутствующих ему ассоциаций в когнитивной обработке нового знания при его концептуализации. При этом, поскольку все типы метафоризации основаны

на ассоциативных связях человеческого опыта, метафора по самой своей природе антропометрична: она соизмеряет разные сущности, создавая новый «гештальт» из редуцированных прототипов, формируя на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нем признаки гетерогенных сущностей, что является характерной чертой метафоризации и что позволяет получить «на выходе» этого процесса совершенно новые смыслы (и соответственно – понятия, а на их основе и значения).

Антропометричность метафоры, т. е. соизмеримость сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям этих сущностей (той, которая обозначается посредством метафоры, и той, которая используется как вспомогательный образ) самым естественным образом вписывается в современную антропологическую парадигму научного знания, исходящую из допущения, что человек познает мир через осознание своей предметной и теоретической деятельности в нем. Никакая абстрактная теория не сможет без обращения к человеческому фактору ответить на вопрос, почему можно думать о чувствах как об огне и говорить о пламени любви, о жаре сердец, о тепле дружбы и т. п. И если говорят, что человека отличает от прочих живых существ его способность смеяться, то можно добавить, что способность мыслить метафорически – тоже черта собственно *homo sapiens*, метка такой творческой потенции человека, которая основана на его способности нарушать границы «естественной таксономии» и преодолевать сбой в логических порядках свойств сопоставляемых в метафоре объектов. Осознание себя «мерой всех вещей» придаст человеку право творить в сознании антропометрический «порядок всех вещей», верификация которого – дело науки, а не обиходно-бытового сознания и тем более – не искусства[82, с.14].

Другая причина широкого интереса к метафоре со стороны теории познания, логики, когнитивной психологии и языкознания – это все воз-

растающая актуальность проблемы понимания. Эта проблематика связана в современных лингвофилософских, психологических и лингвистических исследованиях прежде всего с тем, что «активная» (или коммуникативная) грамматика оперирует не только говорящим, но еще и слушающим как адресатом и потенциальным адресантом текста, готовым вступить в диалог при условии понимания сообщения на основе знания данного кода, кумулятивной функции словесных знаков и иных языковых конструкций, а также фонового знания о мире. На основе первых разгадывается подтекст сообщения, а второе несет сведения о затекстовой информации. Для исследования феномена понимания метафора – благодатный источник, самой своей природой свидетельствующий о том, как понимается даже непонятное, логически и лингвистически нерегулярное построение. Механизмы матафоризации могут служить своего рода полигоном, на котором испытывается такая когнитивная деятельность человека, которая основана на его способности разгадывать и понимать языковые выражения, в том числе описывающие и «возможные» миры за счет восстановления по ассоциативно-языковой памяти объекта в его целостности по его фрагментарному предъявлению в метафоре [83, с.8].

Итак, в настоящее время проблема метафоры вышла из ведения риторики, где она изначально бытовала как один из тропов, перешагнула за границы лингвостилистики (где изучалась как средство создания экспрессивной окраски текста) и переместилась в достаточно комплексную лабораторию, став предметом исследования указанных выше смежных с лингвистикой дисциплин [90, с.215].

Актуальность исследования состоит в необходимости изучения метафоры не столько в качестве средства создания образности в языке и способа украшения речи, как она традиционно рассматривалась в рамках риторики, поэтики, стилистики и теории литературы, сколько в изучении метафоры в свете новой научной парадигмы - когнитивной лингвистики, где

она связывается с определенными когнитивными структурами и рассматривается как один из основных механизмов познания мира, отражения внеязыковой действительности и особенностей человеческого интеллекта в единицах языка и мышления. Актуальность также заключается в рассмотрении метафоры как механизма мышления, позволяющего представить такую концептуальную область, как область цели в терминах, другой концептуальной области – области источника метафорического переноса. Далее, актуальность исследования продиктована универсальностью самой концептуальной метафоры.

Объект и предмет исследования – концептуальная метафора [76, с.10].

Метафора служит одним из наиболее распространенных способов пополнения лексического и фразеологического инвентаря языка, давая названия объектам, принадлежащим к самым разным сферам действительного мира: *хребет горы, быки моста*, англ. *skin of a carrot* ‘кожура моркови’ (букв, ‘кожа’), *pipes* ‘дыхательные пути’ (от *pipe* ‘труба’). Способность метафоры участвовать в процессах вторичной и косвенной номинации можно определить как ее номинативную функцию, присутствующую в метафорах всех типов [19; 24; 30].

Помимо номинативной, образной (изобразительно-выразительной) и экспрессивно-оценочной, метафоры выполняют в языке концептуальную функцию, которая основывается на их способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий [35].

Метафора выполняет концептуальную роль при обозначении непредметных сущностей в научной, общественно-политической и обиходно-бытовой сферах. Значительное число функционирующих здесь лексических единиц являются метафорическими по происхождению: *круг понятий, зерно истины, поле деятельности, узел противоречий*, англ. *cleft-sentences*

‘расщепленные предложения’, way of life ‘образ жизни’, generation gap ‘возрастная пропасть’ (букв, ‘дыра, брешь между поколениями’) [37].

Направленность на формирование концептов обуславливает совмещение в метафорах, обозначающих непредметные сущности в указанных сферах, двух функций: номинативной и концептуальной [41, с.82–83]. Номинативная выражается в присвоении имени, основанном на переносе названия с первоначального, вещественного денотата на новый, отвлеченный.

Материал исследования подбирается таким образом, чтобы проследить свойства субстантивной концептуальной метафоры, преимущественно бинарной по составу, типа *калейдоскоп характеров, русло жизни*.

Концептуальная метафора, как и другие ее типы, создается на ассоциативно-образной основе и во время своего возникновения и первоначального функционирования осознается носителями языка как семантически двуплановое образование. В ней присутствует как внутренняя форма экстенционал прямого значения вспомогательного компонента. При этом создание образа не является главной целью автора метафоры. Кроме того, образная номинация, сохраняющая в своем значении двуплановость, не способствует четкому обозначению понятия и может явиться помехой для функционирования лексической единицы. Для многих концептуальных метафор существенным является стремление освободиться от образного компонента в процессе функционирования в языке [48].

Нацеленность на формирование и обозначение концептов обуславливает специфику данного типа метафоры в плане соотношения элементов подобия и тождества [55, с.12].

Цели и задачи исследования

Целью настоящей магистерской диссертации считаем создание

такого представления о метафоре, в котором отражались бы разные ее свойства, рассматриваемые с разных «точек зрения», но в единстве взаимодействия сознания, действительности и языка. Неизбежное для любого анализа расщепление целого на части должно синтезироваться совокупным отображением механизмов устройства и функционирования как самого метафорического процесса, так и его результатов в тексте. Она посвящена по существу трем темам: лингво-креативной потенции метафоры, рассматриваемой в деятельностно-прагматическом плане, номинативно-функциональной типологии метафорических процессов и особенностям экспрессивно-оценочной функции метафоры [84, с.350].

Работа строится с учетом таких факторов, как аксиологическая ориентация метафоры, антропометричность, роль языковой личности и личностного тезауруса в отборе и организации образных ассоциаций, предшествующих созданию экспрессивной метафоры.

Рассматривается возможность соотношения оценочных структур с метафорическим процессом. Автор ставит интересную проблему: метафора лишь в своей «вспомогательной» части (в «буквальном» значении) подчинена законам языка, и то регламентируемым картиной мира. Рождение метафоры тесно связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями, с системой оценок, которые существуют вне языка и лишь вербализуются в нем. Такая постановка вопроса наводит на мысль о том, что метафора – прежде всего вербализованный прием мышления о мире, а уже вследствие этого – способ пополнения языкового инвентаря.

Концептуальная метафора [81, с.7] – это результат такого метафорического процесса, целью которого было создание нового понятия (концепта). Как и все типы метафор, концептуальная также проходит через стадию образного подобия, переходящего во

внутреннюю форму языкового выражения.

Соотношение метафоры и символа – с одной стороны, а с другой – метафоры и мифа есть соотношение разных способов мышления о подобии: в реальном и в «возможном» мирах. Символ – это реальия, награжденная смыслом, а миф – «сказка», имитирующая реальность. В работе А.А. Четвертковой рассматривается та ипостась символа, которая порождается употреблением слова в составе фразеологизма (типа *жить за спиной* у кого-л., где слово *спина* получает символическое значение «защита» и т. п.). Очевидно, что провести чёткую границу между символизацией и метафоризацией не всегда легко, поскольку оба приема имеют дело с приписыванием признака, названного словом (или выражением) другой реальности. Но функция символа (в том числе – и вербализованного) – замещать реальию, функция метафоры – формировать новое смысловое содержание имени [77, с.230].

Сопоставление сравнения и метафоры – это соизмерение двух разных способов представления подобия. Хотя часто встречаются утверждения, что метафора – это «скрытое» сравнение, она далеко не всегда сводима к сравнению. В работе М. Блэка [87] на большом фактическом материале (полученном, кстати говоря, из машинного фонда английского языка «безбумажным способом») рассматриваются в сопоставительном аспекте тот и другой способы, показывающий, как варьирует от языка к языку языковое воплощение подобия, а также демонстрирующий то, как дополнительность культур и деятельностных форм практического и этического освоения мира приводит к лингвистической дополнительности, обычно связываемой с понятием языковой картины мира. Думается, что исследование процессов метафоризации, примером которого может служить данная работа, прольет свет на соотношение структурного типа языка и продуктивных для него путей метафорических номинаций.

Цель данной работы – рассмотреть свойства и функции языковой метафоры, а также свойства, разновидности и механизм функционирования концептуальной метафоры.

Научная новизна исследования.

Вопрос о том, каков механизм нашего понимания метафор, является наиболее фундаментальным и вместе с тем мало разработанным в современных исследованиях, посвященных метафоре. В предшествующие годы основное внимание уделялось проблемам природы и типологии метафор, особенностям их функционирования в различных типах текстов, т. е. всему тому, что мы традиционно относим к сфере употребления языка. И только с появлением «работающих» систем автоматической обработки естественного языка возник теоретический интерес к построению процессуальных моделей понимания метафор. Значимость таких исследований сегодня объясняется прежде всего их междисциплинарным характером, где связываются воедино социально-психологические, лингвистические и когнитивные аспекты, что позволяет надеяться на получение принципиально новых результатов в теории метафоры [11; 36; 57].

Обсуждение феномена метафоры в методологическом аспекте свидетельствует об осознании той роли, которую метафора выполняет в ходе познания как лингвистическая модель, используемая как инструмент для когнитивной обработки данных. Путь для решения многих вопросов, связанных с «технологией» метафоры, который предложен нами, может способствовать прояснению ряда проблем, которые для специалистов, не принадлежащих к носителям лингвистического знания, остаются «загадочными» в силу самой языковой специфики метафоры как модели [60, с.176].

В любом случае сотворения метафоры «мерой всех вещей» выступает сам человек, умудренный делами и наделенный страстями, который и производит текст. Говорить о том, что набор стереотипов,

известный реципиенту, – это и есть гарантия прочтения метафоры, – это почти что банальность. И тем не менее еще никто не пытался описать эту стереотипную картину мира, которой владеет «рядовой» носитель языка, как некую систему знания (точнее – видения мира). Только орнаментально-художественная функция метафоры удовлетворяется не стереотипной, а индивидуально-авторской картиной мира. Поэтому такая метафора – достояние художника, по-особому видящего и рисующего мир.

Итак, одной из наиболее интересных и перспективных задач в решении проблемы метафоры является выявление и описание антропометричной картины мира, единицами которой являются стереотипы и квазистереотипы, создающие некое «мироздание». Только на основе антропометричной картины можно проводить типологические исследования метафоры как языкового феномена.

Тот «ренессанс», который уже несколько лет переживает метафора [70, с.11], – это ренессанс человеческого фактора в познании и в описании языка как динамического инструмента познания и общения. Надо увидеть в метафоре не только фигуру речи, выполняющую орнаментально-риторическую функцию, но и универсальную модель преобразования уже имеющегося в языке значения имени в новое знаковое содержание – номинативную модель, которая обслуживает все ярусы языковой способности и проявляется на всех уровнях анализа речевой деятельности и ее продукта–текста [65, с.112].

Когнитивное описание языка тесно связано с культурологической интерпретацией языка и философской интерпретацией его носителя – языковой личности. Вместе с тем культурологическое описание не может существовать вне лингвистической теории конкретного (в частности английского) языка, которая нами будет рассмотрена с одной

из возможных точек зрения – системы языковых когнитивных трансформаций.

Человек как сложное интегрирующее начало [95, с.440] существует не в предметном (опредмеченном, непосредственном, “материальном”), а в семиотическом (распредмеченном, опосредованном, виртуальном) мире. Следствием этого – основополагающего – допущения является наделение языка его главной – когнитивной – функцией. В общем плане когнитивная функция языка находит своё воплощение в языковой картине мира, которая складывается в сознании индивидуума под воздействием интеракции, точнее – интеракционного следа, остающегося в сознании в результате речевого воздействия. В этом смысле можно утверждать, что “язык – это всего лишь вторичная, объективированная форма существования сознания” [78, с.3].

Язык как “объективная форма существования сознания” [78, с.4] создает особые специфические индивидуализированные системы смыслов, которые, обладая сходством, вместе с тем обладают существенными индивидуальными чертами, позволяющими выделять семиотически обусловленные позиции в интеракции (речевом взаимодействии). Это даёт право говорить о субъективности языка, понимая под субъективностью способность языка служить не только объективной (социальной), но и субъективной (индивидуальной) системой знаков [80, с.52]. Поэтому овладение языком означает не только изучение набора лексико-грамматических моделей и правил их применения, не только усвоение моделей и правил построения дискурса, не только наполнение памяти речевыми ситуациями и автоматизацию навыков общения, но и приобретение навыка интерпретации текста/дискурса [58, с.51].

“Интерпретационные” или “интертекстовые” версии

современного научного осмысления феномена естественного языка дают даже те исследователи, которые придерживаются традиционных взглядов на текст как на результат, конечный и воспроизводимый артефакт, непрменный компонент очеловеченного культурного пространства. Так, например В.Н. Самгар связывает язык, текст и дискурс в единую сложную систему отношений дополнительности, в которой “Текст – это цель и результат действия языком, высшая единица, форма речи. Все единицы, категории языка обретают подлинную жизнь именно в текстах, существуют для оформления текстов [54, с.62]”. На каждом историческом этапе развития в ходе социальных познавательных процессов в сознании носителей языка создаются обобщенные, стандартизированные языковые картины мира в виде “надбиологических программ” [54, с.63].

Рассмотрение языка как сложной знаковой системы в пределах национального семиозиса требует применения к нему двух главных экзистенциальных правил (т.е. правил определяющих условия существования таких сложных знаковых систем) [75].

Согласно первому правилу естественный язык как система существует в той степени, в которой его единицы способны совершить уровневый (семиотический) переход. Согласно второму правилу естественный язык как система существует в той степени, в которой способен создавать сложные смысловые информационные единства: тексты, информационные системы, жанровые и стилевые объединения и т.п. Такие крупные самоорганизующиеся подсистемы формируют пространство функционирования языка (или, точнее, подпространства этого общего пространства).

Складывающийся в сознании в результате длительного процесса интериоризации знаний образ мира или языковая картина мира задаёт семиотическую директорию, по которой происходят последующие

изменения сознания. Языковая картина мира основывается на специфических логико-языковых единицах – концептах [74, с.119]. При этом тексты культуры (в широком понимании термина) являются наиболее естественной формой существования концептов, в которой концепты не только существуют, но и формулируются, аккумулируются, трансформируются, передаются: “Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё” [73, с.20].

Концептуальная основа языка – это прежде всего некоторая призма, основанная на культурно-генетических основах индивидуального сознания, обладающая признаками коллективного (социокультурного) сознания. Концептуальная основа языка всегда индивидуальна, но обладает признаками коллективных форм мышления, в том числе – и ценностной ориентацией. Таким образом, концептуальная основа языка включается в идеологическую парадигму индивидуального сознания и одновременно включает эту идеологическую парадигму в общий социально-культурный контекст. При этом основными свойствами внутренне расчленённых, недискретных и в этом смысле “несистемных” концептов являются, по мнению исследователей, “переживаемость” или эмоциональная соотнесённость, когда носитель языкового сознания эмоционально оценивает собственное слово и / или фразеупотребление; семиотическая плотность, т.е. насыщенность языкового континуума целыми рядами “материальных” знаковых выразителей (синонимов, прецедентных текстов, тематических рядов и полей, поговорок, пословиц, цитат, аллюзий и других речевых образований),

ассоциативность, т.е. включённость концепта в парадигматические и синтагматические связи, различного рода логические конструкции, соотносительные оценочные ряды (системы национальных и иных культурных ценностей) и др [79, с.119].

Основные задачи и гипотеза исследования

Метафорическое переосмысление переменных словосочетаний – один из важнейших источников обогащения лексики и фразеологии любого языка, в том числе и английского.

Традиционные метафоры основаны на различных видах сходства. Сходство положения: babes (или Children) in the wood “сущие младенцы”, “простaki”, “простодушные, доверчивые люди” (выражение взято из старой баллады); позднее тж. a babe in the wood; a fish out of water “рыба без воды”; “человек не в своей стихии; сходство возраста: babes and suckling’s “новички”, “совершенно неопытные люди” (ср. “молоко на губах не обсохло”); сходство цвета: pea-soup fog “жёлтый лондонский туман”; сходство поведения: a dog in the manger сходство вкусовых ощущений: a bitter pill to swallow “горькая пилюля”, “тяжёлая необходимость”; gall and wormwood, ФЕ, основанная на сходстве поведения, a play with fire “игра с огнём” образована по конверсии от play with fire “играть с огнём”.

Когнитивный подход к изучению разных языковых явлений на различном материале получил в современном языкознании широкое распространение. Он используется для реконструкции по языковым данным вербальных способов упорядочивания (получения, хранения, передачи, систематизации и развития) информации (знаний, опыта) о различных (конкретных и абстрактных) областях человеческой жизнедеятельностью.

Проведенное исследование посвящено изучению механизмов метафорообразования и роли метафоры в формировании языковой и

концептуальной картин мира. Несмотря на значительность результатов, достигнутых в изучении метафоры, проблема ее сущности и механизмов образования является одной из самых актуальных. В рамках современного когнитивного подхода в лингвистике основной задачей становится объяснение (а не констатация) языковых фактов, метафора рассматривается как когнитивный процесс, без которого невозможно получение нового знания. Метафоры настолько укоренились в нашем сознании, что мы употребляем их бессознательно и автоматически. Метафора является неотъемлемой частью нашей повседневной мысли и языка, а не просто риторической фигурой.

Обзор по теме исследования

Исследование метафоры как когнитивного средства, формирующего понятия и определяющего способы мышления о целых фрагментах внеязыкового мира, стало частью лингвистики XX в. [10, 12]. В последнее время в связи с поиском оснований для построения общей теории метафоры приобрёл актуальность подход, интегрирующий когнитивный анализ метафорических номинаций с изучением их как элемента текста [18]. Концептуальная метафора – результат отображения одной концептуальной области в терминах другой – и её языковая форма стали исследоваться с точки зрения их участия в организации текста [21]. В работе рассматриваются инвентарь и функции метафорических концептов в разных функциональных стилях.

Методы исследования

Методической базой исследования является собственно лингвистический подход к рассмотрению языковых единиц. Основным методом исследования словосочетаний явился метод моделирования, нацеленный на описание конструктивных (структурных и семантико-деривационных) особенностей словосочетаний; метод статистических подсчетов, освещающий частотность реализации словосочетаний в

ракурсе продуктивности модели и выполняемых ими в контексте употребления функций; метод описания, показывающий своеобразие отношений между членами рассматриваемой микросистемы.

Исследование ограничено уровнем простого предложения с учётом текстового окружения. Анализ осуществляется с позиций конструктивного синтаксиса. Нами используется также метод исчислений теоретически возможных конструкций, что способствует единству дедуктивного и индуктивного подходов при анализе, полноте охвата материала и большей обоснованности выводов.

Теоретическое и практическое значение результатов исследования

Метафора всегда представляла интерес для филологических исследований, как в области лингвистики, так и в области поэтики и риторики.

Традиционно она понимается как явление исключительно языковое: в широком смысле – как троп, состоящий в использовании слов в переносном значении, а в узком – в употреблении слова, обозначающего некоторый класс явлений, для характеристики объектов другого класса посредством аналогии.

В когнитивной лингвистике метафора впервые стала рассматриваться не как свойство языка, в особенности поэтического, но как общее неотъемлемое свойство человеческого мышления.

Метафоры, используемые в языке художественной литературы, в частности в поэзии, не являются исключительными явлениями высокого стиля. Поэты и писатели отталкиваются от тех же метафорических моделей, что и обычные носители языка, развивая их и творчески перерабатывая.

Так как метафоричность – это свойство сознания и мышления, которые структурируют внешнюю по отношению к человеку

реальность, выбор метафор может быть обусловлен внешним контекстом творчества: общекультурным, историческим, социальным частным.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что на частном материале подтверждены и развиты основные положения когнитивной теории метафоры, расширены представления о механизмах ассоциативного сближения концептов в процессе метафорического переосмысления. Методы и результаты исследования могут быть использованы при изучении метафорического переосмысления других концептуальных сфер.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать выводы и фактический материал для работы при подготовке курса лексикологии, стилистики, а также спецкурсов по лексической семантике и теории перевода, при написании курсовых и дипломных работ, а также в лексикографической практике (при создании словарей метафор).

Структура работы состоит из Введения, 3-х глав, Заключения и Списка использованной литературы.

Глава 1

Концептуальная метафорика как явление

1.1. К проблеме понимания метафоры

С тех пор как Аристотель дал первое определение метафоры и тем самым поставил на повестку дня вопрос о серьезном изучении

механизма семантических изменений в языке, интерес к этой проблеме не спадает. Ей посвящается обширная литература, критический обзор которой заслуживает особого исследования. Современный уровень знаний о языке и речевой деятельности показывает, что для решения данной проблемы необходим комплексный подход, требующий соединения усилий представителей разных наук. Не последнее место среди них занимает и психолингвистика и, в частности, материал онтогенетического развития речи, интенсивно используемый в последние годы применительно к широкому кругу конкретных задач [69].

Интерес к метафоре объясняется возросшим интересом к семантическим проблемам языка и к номинативной деятельности человека [92].

В связи с тем, что процессы номинации (а метафоризация занимает заметное место в процессах номинации) непосредственно связаны с познавательной деятельностью человека, имеющей в онтогенезе свои отличительные особенности, изучение овладения различными способами номинации может внести определенный вклад в понимание этих процессов.

Законы и логика процессов номинации вообще, в том числе и метафоризации как явления вторичной номинации, как можно думать, универсальны, но процесс и результат метафоризации отмечаются своеобразием, даже уникальностью. Своеобразие явления вторичной номинации вообще состоит в том, что «гносеологический образ отражаемого внеязыкового объекта здесь всегда опосредован переосмысливаемым содержанием языковой формы» [89, 167]. Именно субъективностью переосмысления значения слова при обозначении внеязыкового объекта, т. е. объекта метафоризации, объясняется сложность восприятия образной метафоры, что отражается в трудности ее интерпретации. Другими словами, осмысление образного значения

очень индивидуально, субъективно. Даже художественные метафоры, подобранные из текстов, рассчитанные на детей, тоже индивидуальны. Отсюда сложность их понимания и научный интерес к этому явлению.

Понять метафору – значит в какой-то степени мысленно проследить путь ее создания, а это неизбежно требует умственного усилия «в преодолении несовместимости значений» и «восстановления смысловой гармонии» [96, 341]. Задача, возникающая перед реципиентом, состоит (в частности) в том, чтобы через призму своего личного опыта, через свое «личностное знание» (термин М. Полани) [98, с110], «пропустить» результаты чужого сравнения и, сопоставив их с собственным опытом, прийти к тому же заключению относительно тех же явлений и предметов, что и «создатель» метафоры.

Однако восстановлению смысловой гармонии препятствуют важные характеристики метафоры – ее субъективность, смысловая диффузность, равно как и ее назначение – скорее вызывать представления, а не сообщать информацию [97, с.340]. Эти обстоятельства объясняют сложность понимания метафоры даже взрослыми носителями языка. Еще большую сложность представляет ее понимание для детей дошкольного возраста.

Цель метафоры – вызывать представление. Мир метафоры – это мир образного мышления. Овладение образным способом репрезентации знания о мире – это вступление в мир воображения и образного мышления, где и функционирует метафора как форма репрезентации знания и инструмент мышления.

В процессе наглядно-образного мышления происходит овладение многообразием сторон и свойств предмета. Возможность же представления объекта со всеми частными, второстепенными признаками может послужить основой переосмысления, когда второстепенные свойства явятся началом той линии анализа, которая и

позволит увидеть предмет в новой плоскости, в иной системе связей, где данные второстепенные свойства и связи уже выступают как существенные [44, с.136]. В метафоре при сопоставлении двух содержаний продуцируется новое содержание, основой которого является мобилизация компонентов данных содержаний. Для субъекта, имеющего дело с новой системой отношений, появляется возможность выделить аспект предмета на основе этой системы. Условием появления новой системы отношений (значений) является наличие общих моментов в сравниваемых предметах [42, с.14].

Акт выявления общих моментов в сравниваемых предметах и является собственно актом метафоризации. Он выражается в форме переноса некоторого признака одного предмета на другой в силу наличия у этого другого предмета сходного признака. С этой точки зрения создание метафоры можно представить как «активно-активный» акт (выявление общности признаков «разведенных в реальности» предметов и сам акт называния), а восприятие метафоры и ее интерпретация – как «пассивно-активный акт». Необходимым условием понимания метафоры (ее адекватной интерпретации) является определенный уровень мышления субъекта, воспринимающего метафору. «Появление метафор в поле языкового сознания – свидетельство определенной филогенетической и онтогенетической зрелости» [54, с.11].

Одной из важнейших задач научного познания является, как известно, установление законов, определяющих процессы, которые интересуют человека. Поскольку законы науки представляют собой отражения в человеческом знании устойчивых, повторяющихся связей и отношений объективного мира, постольку стремление фиксировать эти связи с помощью формальных средств может быть понято как обеспечение простой возможности обнаружить возможные отклонения

от стандартной ситуации. Так как подобные отклонения могут означать появление нового круга фактов, ранее не известных науке, то можно интерпретировать постоянное внимание ученых к областям возникающих аномалий как ориентацию не только на актуальные способы взаимодействия с окружающим миром, но и на потенциальные, связанные с практикой будущего. Отсюда – все возрастающая в современном познании роль различного рода гипотетических объектов, конструируемых чисто теоретическими средствами [56, с.69].

Своеобразный характер метафоры, фиксирующей условность соединения объектов, принадлежащих к различным языковым рядам, отражается в ее структуре, которая может быть представлена как вхождение некоторого объектного языка в состав метаязыка в качестве особой подсистемы, сохраняющей относительную самостоятельность и в то же время определяемой законами функционирования системы в целом. Игнорирование специфики такого отношения может приводить к утрате контекста «как если бы», что превращает метафору в ошибку и затрудняет процесс познания и деятельности. Явная же условность сближения несходных элементов определяет вероятностный характер теоретического описания, построенного с помощью метафоры. Поэтому можно предположить, что метафора выполняет на содержательном уровне ту функцию, которую вероятностные способы описания выполняют в рамках чисто количественного подхода. Это объясняет растущий интерес различных исследователей к роли метафоры в языке науки. Однако такой интерес свидетельствует не столько о том, что на современном этапе развития знания ученые вдруг стали широко использовать средства косвенного описания, сколько об изменившемся характере самой метафоры [52, с.98].

Структура метафоры оказывается той формой, в которой

возможно соединять известное и неизвестное, объяснимое и объясняющее, понимая при этом их не - тождественность. Чрезвычайно наглядно это проявляется в практике математического исследования. Математики, допуская, что известные величины обладают значением, удовлетворяющим условию задачи, считают «неизвестные и данные количества в определенном смысле равноправными» [58, 51].

Сложность, синтетичность смысловой структуры слов, наличие в содержании любого понятия не только основных, но и второстепенных, часто скрытых характеристик (коннотаций различного вида) и определяет возможность возникновения метафор. Так как совокупность свойств реальных объектов имеет открытый характер и в принципе может рассматриваться как бесконечная, то всегда можно найти в некотором данном объекте признак (пусть даже совершенно несущественный, не принимаемый обычно во внимание), который обладает сходством с признаком другого объекта, существенно отличного от первого [50, с.93].

Абстрагирующая способность человеческого мышления не только позволяет «отрывать» признак от его носителя, но и допускает представление этого признака в качестве «заместителя» самого реального предмета (прием, который в стилистике называется «синекдоха» или «метонимия»). Тогда возникает возможность связать то, что принадлежало до сих пор к удаленным друг от друга областям, уподобить объекты друг другу (даже явно противоположного характера) на основе «общего» признака.

Все описания подобного рода строятся с помощью метафорического уподобления нетождественных друг другу элементов знания. Поэтому анализ роли метафоры в процессах образования новых способов осмысления познавательной деятельности и ее результатов обязательно предполагает рассмотрение того, как происходит

заимствование одной областью познания терминов другой, как осуществляется перенос понятий, вызывающий «столкновение смыслов» и порождающий новое понимание традиционных языковых средств.

1.2. Теоретическая сущность концептуальной метафорики

Скрытая в глубинных семантических слоях научной теории, метафора всегда таит возможность изменения смысла привычных средств и способов отображения объекта, а значит и возможность нового взгляда на уже известное, что реализуется как выявление ранее непознанных его свойств и сторон. Так появляется новое представление о какой-либо конкретной предметной области, и ассимиляция этой, ранее отсутствовавшей информации, расширяет, углубляет, а в конечном счете и перестраивает всю традиционную систему знаний о мире [49, с.82].

Обеспечивая, хотя бы в условной форме, установление единства различных теоретических представлений, познавательная метафора, таким образом, не только способствует повышению упорядоченности знаний, которыми обладает общество, но и позволяет получить новую информацию о мире, обнаруживая сходство в различном и неожиданные характеристики в привычных представлениях, что порождает различия, не замеченные ранее.

Следовательно, метафора выполняет в научном познании организующую функцию, связывая как различные слои языка теории, так и разные по природе и происхождению фрагменты знания. Диалектическая природа познавательной деятельности реализуется, таким образом, с одной стороны, благодаря наличию разнородных семантических слоев научного знания, что обусловлено скрытыми в глубине теории метафорами, а с другой стороны, эти разнородные слои

увязываются в некоторую целостность опять-таки благодаря метафоре, нивелирующей их различия в рамках условного контекста.

Согласно наиболее распространенной в 1970-е годы точке зрения, процесс понимания метафоры включает в себя три этапа. На первом устанавливается буквальное значение выражения, на втором – это значение сопоставляется с контекстом. И, наконец, на третьем, если имеется несоответствие между буквальным значением и контекстом, начинается поиск небуквального, и в частности, метафорического, значения [67, с.10].

В свою очередь, эти этапы, образующие многоэтапную модель понимания, влекут за собой два важных следствия, которые активно обсуждаются в литературе 1980-х годов [85; 93]. Эта последовательная трехфазная модель предполагает, во-первых, что понимание небуквальных значений требует больше времени и усилий, чем понимание буквальных значений, и во-вторых, она подразумевает принципиальное различие между буквальным и небуквальным значением. Обсуждение этих проблем имеет принципиальный характер, поскольку решается вопрос о том, где проходит линия раздела между буквальным и метафорическим значением, и что такое в конечном счете метафора?

Чтобы понять истоки гипотезы о решающей роли буквального значения в понимании метафор, следует вспомнить о господствующем в 1960-е годы подходе, согласно которому следует четко разделять вопросы языковой компетенции и вопросы, относящиеся к сфере употребления языка. Хотя в 1970-е годы этот подход был подвергнут в целом суровой и справедливой критике [86], многие частные концепции, базирующиеся на его основных посылах, остались без изменений. Именно такой теорией и является трехэтапная модель понимания метафоры.

В соответствии с чрезвычайно популярной в 1960-е годы теорией Дж. Катца и Дж. Фодора [См.72, с.130], семантическая компетенция проявляется в том, что идеальный носитель языка оказывается в состоянии распознать значение предложения, не располагая при этом никакой информацией о его контексте.

Жесткое разделение языковой компетенции и сферы употребления языка предполагает и строгое разделение буквального (собственно семантического) и контекстуального (прагматического) значения выражений. В соответствии с таким подходом, различие между буквальными и метафорическими выражениями есть различие в сфере употребления, но отнюдь не в области внутренних механизмов языка. Поэтому процессы, участвующие в создании и восприятии метафор, имеют исключительно прагматическую природу.

Такой взгляд на метафору как на чисто прагматическое образование [71] поддерживается во многом и нашим здравым смыслом. Мы склонны предполагать в силу влияния культурной среды, образования и воспитания существование у слов и отдельных выражений жестко закрепленных за ними значений, полагая их первичными, базисными. В новых ситуациях употребления эти «закрепленные» значения изменяются, но несущественным образом, и как результат такого изменения возникает прагматическое значение. Хотя уязвимость подобного подхода к проблеме генезиса метафор была очевидна еще в контексте критики идей Дж. Катца и Дж. Фодора, он попрежнему считается теоретически приемлемым [88, с.216-217].

Следует также иметь в виду, что тезис об определяющей роли буквального значения важен не только для адекватного представления механизмов понимания метафоры. Решение многих проблем зависит от того, что считать «исходной клеточкой» языковой коммуникации – выражения со строго фиксированным и определенным значением или

выражения, подобные метафорам. Каким образом структурируется и организуется семантическая память, каковы основные этапы логического вывода, осуществляемого индивидами в реальной практике, с помощью каких средств языка индивид получает новое знание – вот далеко не полный перечень вопросов, решение которых связано с выбором ключевого понятия языковой коммуникации.

Полученные данные психолингвистов указывают на то, что во многих ситуациях понимания метафорических выражений определение их буквального значения не является обязательным этапом процесса понимания. При наличии соответствующего контекста индивиды обычно способны понимать метафорические значения высказываний непосредственно [64, с.12].

Таким образом, данные, представленные психолингвистикой, убедительно свидетельствуют, что слушающие далеко не всегда строят особый уровень представления знаний, включающий только буквальное значение предложений. Действительно, мы часто используем прагматическую информацию на самых ранних стадиях обработки предложений, и этот тезис сегодня не вызывает больших возражений. Более того, с позиций современной психолингвистики вряд ли вообще корректно говорить о прагматически «ненагруженной» семантике естественного языка. Семантическая компетенция носителей языка с этой точки зрения не может рассматриваться как знание особого рода, принципиально отличное от знания всех нюансов употребления языка. Соответственно и модели понимания языковых выражений, в рамках которых обработка информации начинается с фонетического уровня и последовательно доходит до уровня прагматики, представляются некорректными. Вместо поэтапной модели понимания предлагается рассматривать концепцию параллельной интерактивной обработки языка, включающую одновременное взаимодействие знания на уровне

синтаксиса, семантики и прагматики.

1.3. Когнитивность метафоры

Исследования по когнитивной лингвистике рассматривают сознание на материале языка и сфокусированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений. Часть концептов имеют языковую «привязку», другие концепты представлены в психике особыми ментальными репрезентациями - образами, картинками, схемами [Кубрякова 1996: 90]. Возможно существование невербализованных концептов (например, «старожены»), потенциальных концептов (например, «носороговоды», «крысоводы»); исследователи также полагают, что не все концепты имеют этнокультурную и ценностную составляющие (например, бытовые концепты, пространственные и временные концепты) [9].

Следует также дифференцировать понятия «концепт» и «категория». С одной стороны, категории и концепты - ментальные образования, т.е. своеобразные кванты знания, которыми оперирует человек в процессе мышления (т.е. мышление структурируется ментальными образованиями, которые можно назвать категориями и концептами в зависимости от угла зрения). С другой же стороны, концепт и категория - явления разного порядка. Концепт относится к сфере мышления, обозначая квант знания, существующий в виде оперативной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга. Категория также относится к сфере мышления, но представляет собой не единицу, а разряд, множество объектов - представителей лучших образцов, примеров. Их различие заключается также в том, что категории не имеют образной составляющей, концепт же выражает субъективное отношение к объекту обозначения [20, с.76].

Концепт обладает сложной структурой. Его неоднородность стала

очевидна с самого начала когнитивных исследований. На современном этапе развития когнитивной лингвистики эта проблема продолжает вызывать интерес лингвистов, каждый из которых предлагает свою оригинальную теорию, описывающую строение концепта [14, 22].

В современной лингвистике существует ряд метафорических описаний структуры концепта в виде «зернышка первосмысла, из которого прорастают все новые и новые смыслы», в виде «снежного кома», «облака» и т. д. В большинстве подобных метафор просматривается идея уровневой, слоистой структуры концепта [23].

В пределах концепта многочисленные когнитивные дифференциальные признаки, образующие содержание концепта, упорядочиваются в единую структуру с помощью когнитивных классификационных признаков (далее - ККП), когнитивных классификаторов, представляющих собой, по ментальную категорию, порождаемую мышлением человека. Человек, анализируя действительность, выводит классификационные категории, которые затем прилагает к воспринимаемой и осмысляемой действительности, упорядочивая ее и язык. Когнитивными классификаторы называются потому, что классифицируют опыт в процессе его познания (когниции) [15, с. 27-129].

Структура концепта представлена ядром, ближней, дальней и крайней периферией. Принадлежность признака к той или иной зоне содержания определяется, прежде всего, яркостью этого признака в сознании носителя соответствующего концепта.

Концепт как вербализованное понятие, отрефлектированное в категориях культуры, как культурноотмеченный вербализованный смысл структурно представлен некоторой совокупностью полярностей, реализуемых в языке посредством различных лексем и фразеологизмов, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму [13,

с.4].

Через изучение семантики языковых знаков, которые реализуют конституирующие концепт полярности, можно проникнуть в упорядоченную совокупность концептов народа, информационную базу мышления, т.е в концептосферу людей (соответственно, к содержанию концептов как мыслительных единиц, т.е. от исследования содержания значения – к содержанию концептов), выяснить, что было важно для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оказывалось вне поля его зрения [26, с.124-125].

Термин концептуальная метафора используется для наименования особого типа переносного употребления слова. В нем заключается специфика данного типа метафоры.

Первыми метафору такого типа описали Джордж Лакофф [91], лингвист-теоретик из университета Беркли, и философ Марк Джонсон (Стэнфордский университет) в работе «Metaphors we live by» [91]. Основные из постулатов, отстаиваемых в названной работе, таковы:

1. Концептуальная метафора (при сокращении – КМ) - это не «сокращенное сравнение», не один из способов украшения речи и даже не свойство слов и языка в целом. В представлении современной когнитологии, метафора - это одна из основных ментальных операций, это способ познания, структурирования и объяснения окружающего нас мира. «Метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие. Наша обыденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [91, с.142].

2. Концептуальная метафора не только воспроизводит фрагменты общественного опыта данной культурной общности - она в значительной мере формирует этот опыт. «Новые метафоры обладают способностью творить новую реальность /.../. Если новая метафора

становится частью понятийной системы, служащей основанием нашей действительности, она изменит эту систему, а также порождаемые ею представления и действия /.../ [91, с.146]. Например, западное влияние на мировые культуры частично объясняется внесением в них метафоры ВРЕМЯ - ДЕНЬГИ». Положение о способности метафоры творить «новую реальность» Лакофф и Джонсон обосновывают не только примерами, но и логическими построениями типа: поскольку значительная часть социальной реальности осмысляется в метафорических терминах и поскольку наше представление о материальном мире также отчасти метафорично, постольку метафора играет весьма существенную роль в установлении новой для нас реальности.

Метафора относится к тем объектам научных исследований, природа которых дает постоянный импульс для разработок в разных областях. Она вызывает интерес не только лингвистов и литературоведов, но и психологов, философов, социологов, религиоведов. Метафора интересна как в аспекте механизма ее порождения, так и в аспекте ее функционирования как языковой единицы.

Поэтому настоящее исследование выполнено в русле когнитивной парадигмы и основывается на положении о том, что языковая форма представляет собой отражение когнитивных структур. Между когнитивными и языковыми структурами существуют и могут быть обнаружены вполне определенные корреляции: в рамках когнитивного подхода метафора рассматривается как общий когнитивный механизм, дающий возможность изучать ненаблюдаемые явления, происходящие в сознании человека и связанные с отражением и осмыслением окружающей действительности. Изучение метафоры открывает доступ к концептуальным системам, складывающимся в сознании людей и

отражающим реальный мир, системам, которые образуют концептуальные картины мира, в достаточной мере общие для носителей одной и той же культуры, с тем, чтобы обеспечить необходимую меру взаимопонимания.

В новейшей когнитологии изучение метафоры также имеет уже определенную традицию [59, с.14]. К настоящему времени наметилось несколько подходов к исследованию КМ [61, с.52]. Одним из актуальных и прагматичных представляется нам изучение в когнитивном аспекте политической метафоры [62].

Поскольку все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях в пределах человеческого опыта, метафора по самой своей природе антропометрична: она соизмеряет разные сущности, формирует на их основе новый гносеологический образ и синтезирует в нем признаки гетерогенных сущностей. Антропометричность метафоры, т.е. соизмеримость сопоставляемых наименований и объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям сопоставляемых сущностей (той, которая обозначается посредством метафоры, и той, которая используется как вспомогательный образ), самым естественным образом вписывается в антропометрическую парадигму современного научного знания, исходящего из мнения, что человек познает мир через осознание своей деятельности в нем. Никакая теория не сможет без обращения к человеческому фактору объяснить, почему о чувствах можно думать как об огне, почему можно говорить о пламени любви, жаре сердца и т.п. Способность мыслить метафорически – черта собственно *homo sapiens*, и она отражает способность нарушать границы «естественной таксономии» и творить в сознании особый, порой парадоксальный антропоцентричный порядок вещей. Парадоксальность метафоры обуславливается именно гетерогенностью

ее исходных сущностей.

Выводы по 1-ой главе

Концептуализация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, который направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта. Процесс концептуализации – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов, то есть фиксированных в сознании человека смыслов.

В результате концептуализации мыслительных образов формируется концептосфера. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (она также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно.

Под концептосферой (или концептуальной системой) следует понимать «тот ментальный уровень или ту ментальную (психическую) организацию, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [39, с.94]. Необходимо указать на то, что концептосфера носит достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. Можно также говорить о существовании групповых концептосфер (профессиональная, возрастная, гендерная и т. д.), концептосфер разных народов, а также индивидуальной концептосферы отдельного человека.

Концептуальные картины мира у разных людей могут быть различными, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и т. д. Люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие концептуальные картины мира, а люди, говорящие на одном языке, - разные. Следовательно, в концептуальной картине мира взаимодействуют общечеловеческое, национальное и личностное.

Концепт является единицей концептосферы. На сегодняшний день представляется возможным выявить несколько подходов к изучению концепта: психолингвистический, историко-культурологический, логико-семантический, художественно-концептуальный и др. Все существующие подходы к пониманию концепта сводятся к лингвокогнитивному и лингвокультурному осмыслению этих явлений. Лингвокультурологическое понимание концепта выражается главным образом в акцентуализации его ценностного элемента.

Глава 2

Концептуальная метафорика в словаре

2.1. Концептуальная метафора как художественный образ в словарной интерпретации.

Метафора – как художественный образ, так и научное понятие – служит формой обобщенного отражения и познания действительности, созданной на основе образного мышления, представляющего собой органическое единство чувственно-созерцательных и рационально-абстрактных форм познания.

В художественной литературе имеет место опосредованное отображение действительности и, следовательно, поэтическая метафора является не прямым названием обозначаемого объекта, а всего лишь его «образным прозвищем» или перенесенным наименованием. Последнее не может быть понято без опоры на соответствующее

прямое название объекта. Для понимания поэтической метафоры необходим соответствующий контекст, и котором этот же объект должен быть назван своим прямым основным именем. Таким образом, поэтическая метафора есть вторичное наименование данного объекта.

Поэтическая метафора создается благодаря одновременному существованию двух планов: прямого и переносного названий. Только равноправное сосуществование обоих наименований позволяет поэтической метафоре достичь своей поэтической цели и обладать познавательной ценностью. Последняя заключается в обнаружении новых свойств у знакомых объектов и новых носителей уже известных свойств. Однако выявленные новые характеристики носят факультативный характер, ибо они не вносят изменения в понятия об объектах и их свойствах.

Отличительной чертой метафоры в языке науки является то, что она выступает в качестве первичного наименования обозначаемого объекта по той причине, что другого названия у него нет. Например, для понятия «область в полупроводниковой структуре для формирования элементов интегральной микросхемы» нет иной номинации, кроме pocket 'карман', или для обозначения понятия «направленное движение заряженных частиц, обусловленное электрическим полем», существует лишь термин drift 'дрейф'. Следовательно, в научной метафоре в отличие от поэтической исключена возможность равноправного существования двух наименований: прямого и переносного. Однако сущность метафоры предполагает одновременное существование двух планов. Чтобы вскрыть эти два плана в научной метафоре, обратимся к ее генезису, на материале терминов микроэлектроники английского языка [102]. Так как термины являются первичными наименованиями объектов, следует учитывать связь между формированием понятий данных объектов и

образованием терминов. На наш взгляд, этот факт дает основание провести параллель между метафоризацией в терминообразовании и функциональным употреблением знака в процессе мышления. Образование понятия есть результат сложной мыслительной деятельности, существенным моментом которой является функциональное употребление словесного знака.

2.2. Этапы словарной терминологизации метафорической концептуализации

Итак, мы считаем целесообразным выделить три условных этапа в становлении термина и связанного с ним понятия путем метафоризации. На первом этапе осуществляется вычленение объекта исследования по некоторым его отличительным признакам, которые составляют первоначальное понятие о данном объекте. Это первоначальное понятие, вернее основной признак в этом понятии, определяет выбор подходящего слова из общеупотребительной лексики или подходящего термина из другой области знания для обозначения нового объекта [101, 114]. При этом слово берется не во всем объеме его значений, а вычленяется лишь нужное. Выбор наименования происходит на основе сходства двух гетерогенных объектов по какому-либо признаку, который является существенным в понятии о новом объекте на конкретном этапе его познания. Выявление сходного признака, в свою очередь, требует сопоставления двух планов: значения общеупотребительного слова и понятия терминируемого объекта, которые объединены под одним наименованием. На первом этапе становления термина *electron spin* (основное значение общеупотребительного слова *spin* ‘быстрое вращение’) сходным признаком оказалось именно ‘быстрое вращение вокруг своей оси’, и термин *electron spin* получил дефиницию ‘быстрое вращение электрона, создающее его второе расплывчатое состояние’ [103, с.504].

Второй этап терминообразования – это этап концептуализации. Он заключается в дальнейшем формировании понятия объекта исследования под влиянием полного значения общеупотребительного слова, которое как бы задает модель познания объекта. При этом обнаруживаются точки соприкосновения, а также различий сопоставляемых понятий, обнаруживаются возможные направления в познании объекта. Так, размытость контура вращающегося объекта, предполагаемая общеупотребительным термином *spin* [103, с.1204], имплицитно свойство электрона, по-разному ориентированного в пространстве. Кроме того, слово *spin* стало передавать мысль о внутреннем механическом движении по аналогии со шпулькой прядильной машины. Что касается скорости, то она оказалась различительным моментом при сопоставлении двух понятий: скорость вращения электрона во много раз превышает не только скорость вращения шпульки, но и скорость света.

Второй этап терминообразования характеризуется проведением эксперимента и сложных вычислений, а также интенсивной мыслительной деятельностью познающего субъекта. «Мышление как абстрактная деятельность есть всегда процесс различения и отождествления, а тем самым и процесс объединения и разъединения, а тем самым и процесс обобщения и ограничения, а тем самым и процесс систематизации; кроме того, мышление есть нахождение противоречий и их разрешение, нахождение оснований и выведение из них следствий, а потому вообще отдельный и обоснованный переход от неизвестного к известному, от незнания к знанию. Отсюда делается ясным, что мыслить предмет – значит представлять его существо при помощи четких и отдельных и, самое главное, обоснованных категорий» [68, 355–356]. Метафора способствует разворачиванию процесса концептуализации и созданию наиболее полного (по отношению к

конкретному уровню познания) научного понятия изучаемого объекта.

Третий этап терминообразования – это этап закрепления выбранной единицы номинации за новым понятием и разведение двух семантических планов (отталкивание нового понятия от значения обиходного слова) на том основании, что новый смысл наименования обладает «автономной направленностью» на действительность. В связи с этим единица номинации приобретает «самостоятельную номинативную ценность» и становится термином. С этого момента на него распространяются все правила функционирования термина.

Остается выяснить характер отношений между вошедшим в употребление термином-метафорой и обиходным словом, на базе которого создан первый. Учитывая диаметрально противоположность этих двух типов единиц наименования, на первый взгляд, может показаться, что обиходное слово и омонимичный ему термин имеют лишь общую звуковую оболочку. Однако, имея своим источником естественный язык, термины- метафоры покидают естественный язык и становятся искусственными концептуальными знаками в языке другого функционального стиля. Язык науки, подобно языку искусства, представляет лишь функциональную разновидность естественного языка. Специфика языка науки обусловлена особенностями его главной задачи – обеспечить научную коммуникацию специалистов, которые одновременно являются носителями естественного языка и владеют общеупотребительной лексикой. Таким образом, неизбежно существует связь между термином и соответствующим ему словом общеупотребительной лексики. Несомненно, что эта связь имеет семантический характер, ибо, благодаря значению обиходного слова, специалистам удастся создать представление о новом объекте и в ходе дальнейшей познавательной деятельности разработать научное понятие о нем.

После того как создан термин (имеется в виду оформление связи между единицей номинации и новым понятием), обиходное значение занимает место внутренней формы термина и как таковое служит для мотивации термина. В то же самое время обиходное значение как внутренняя форма термина-метафоры не является его равноправным элементом, а представляет лишь фоновое значение, позволяющее специалисту представить обозначаемый объект. Так, внутренняя форма термина-метафоры *potential barrier* 'возвышение, препятствующее продвижению вперед' создает образ 'промежуточных состояний с более высокой потенциальной энергией, нежели потенциальная энергия исходного состояния', т. е. понятия, которое без связи с термином-метафорой не способно передать мысль о таком уровне потенциальной энергии, который препятствует движению частиц [101, с.402].

Конкретное представление, таким образом, является важным моментом – своего рода опорой в абстрактной деятельности разума, производящей научные понятия и категории, раскрывающей закономерности взаимосвязи и соотношений между объектами в исследуемом фрагменте действительности.

2.3. Общие принципы словарной репрезентации концептуально-метафорической терминологии

Метафоризация в языке науки – это семантический процесс выбора наименования на основе предметного, признакового или функционального сходства двух гетерогенных объектов. Процесс метафоризации начинается с отталкивания нового термина от обиходного слова, которому предшествует особого рода умственная деятельность специалиста, отыскивающего подходящее слово в общеупотребительной лексике. В терминологическом поле слово теряет свое лексическое значение и приобретает соответствующее научное

понятие, которое требует уже не толкования, а дефиниции. Например, слово общеупотребительного языка *bucket* со значениями: 1) 'ведро, бадья'; 2) 'черпак, ковш'; 3) 'поршень, насоса'; 4) 'подъемная клеть, люлька' в результате метафоризации связанных друг с другом первого и второго значений превращается в термин, который в микроэлектронике имеет дефиницию 'область памяти, функционально выделенная для накопления данных или контрольных сумм; обычно используется при первоначальном распределении' [100, с.201].

Нами была избрана для словарного исследования английская терминология микроэлектроники, так как здесь наблюдается активное использование метафоризации как способа терминообразования (до 60%). При постоянном обращении исследователя к микроминиатюрным объектам и микропроцессам он неизбежно обращается к макромиру, к различным его сферам.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных семантических групп слов, на базе которых создаются термины-метафоры, мы хотели бы показать на примере геоморфной метафоры, которая занимает центральное место в терминологии микроэлектроники, что метафора в науке обладает моделирующей способностью. Наряду с этим уместно дать представление о различных функциях метафоры в языке науки. Геоморфная метафора отличается от других семантических групп тем, что все ее термины созданы путем транстерминологизации, т. е. метафоризации подвергаются термины географии и ее разделов.

Возникает вопрос, почему именно термины географии служили и продолжают служить источником для создания терминов в электронике.

Электроника и микроэлектроника занимаются конструированием и созданием приборов, действие которых основано на использовании электрических свойств разных материалов. При этом следует

вспомнить тот факт, что теория электричества была создана на основе гидродинамической модели, которая после открытия элементарных частиц была расширена моделью «движение толпы» [97, с.524]. В основу гидродинамической модели положена метафора: *электрический ток – течение воды*, которая вызвала дальнейший процесс метафоризации, в результате которого возникли такие теоретические термины, как *flow – течение*, *leakage – утечка*, *charge – заряд*, *avalanche – лавина*, *drift – дрейф*. В этой связи представляется уместным привести слова А. Ортоны [98, с.28]: «Употребление метафор в определенной степени сходно с цепной реакцией, в силу того, что они образуют нечто вроде „кустовой“ системы, и, выбрав один из элементов системы, человек вынужден отбрасывать те, которые некогерентны с ним». Посредством „кустовой“ системы метафор создается целостный образ – проекция одной предметной области на другую, которые совершенно различны между собой: сопоставляются объекты ненаблюдаемого непосредственно нами мира (электричество) с объектами, познанными нами в непосредственном исследовании (вода). В процессе наложения исследуемой области на известную (базовую) происходит структуризация обеих областей, во время которой выделяются узловые точки перекрещивания (иными словами, сопоставляются объекты, их свойства и отношения между ними). R.W. Gibbs [89, с.108] подчеркивает, что именно -отношения между объектами определяют структуризацию областей и перенос объектов с определенными их свойствами на исследуемую область, и приходит к выводу, что между неидентичными объектами существуют идентичные отношения.

2.4. Концептуально-метафорическое моделирование а словаре

Следует отметить, что метафора далеко не всегда связана с моделью. Однако метафора близка к понятию модели в своем

общепознавательном смысле. Моделирование при этом понимается как сам процесс познания, ибо познать объект значит создать его модель. Таким образом, в познавательном процессе создаются модели в виде понятий, категорий, научных теорий и т. п. При этом метафора может представлять саму модель (на уровне понятия), как это имеет место в случае всех терминов, образованных путем метафоризации, будь то теоретический термин или технический. Так, кумулятивный процесс ионизации частиц был назван *avalanche* ‘лави́на’, и тем самым была задана модель познания процесса ионизации. Узловыми точками перекрещивания этих сопоставляемых явлений стали: снег (кусоч льда)– *ион*, крутой горный склон – *ускоряющее поле*. Низвержение снега, масса которого увеличивается с его движением по крутому горному склону, сравнивается с процессом ионизации, во время которого одна частица производит несколько ионов, каждый из которых, в свою очередь, получив достаточную энергию от ускоряющего поля, производит еще больше ионов и т. д. Благодаря такой модели, с помощью метафоры, удалось выявить сущность исследуемого явления. Что касается технических терминов, то их модель проще. Например, термин *cascade* – *каскад* обозначает естественный или искусственный водопад, низвергающийся уступами. Понятие каскада в географии послужило моделью для – ‘схемы последовательного соединения, при котором выход одной фазы усиления является входом следующей фазы’[100, с.99 и 148].

Однако заметим, что в научных теориях наблюдается расхождение модели и метафоры. Научная теория состоит из нескольких разных моделей и содержит несколько „кустовых“ метафор. Так, в теории электричества представлено две метафоры – *течение воды* и *движение толпы*. Теория о принципах действия электронных приборов, конкретно транзисторов, опирается на эти метафоры, к

которым присоединяется геоморфная метафора: *source* – *исток*, *junction* – *электрический переход*, *bypass* – *перемычка*, *cascade* – *каскад*, *drain* – *сток*, *collector* – *коллектор*, *gate* – *затвор* и др. (термины взяты из созданных позже разделов географии: гидрологии суши и гидротехнических сооружений) [101].

Интерпретация формальных математических выражений, осуществляемая в рамках теории, может быть реализована только посредством таких терминов, которые передают весь объем информации. Так как метафора содержит информацию в свернутом виде, она не может быть использована в целях интерпретации и тем самым отождествляться с моделью. Метафора может составлять лишь стержень модели, но при этом обладает большим познавательным значением. Метафора является средством экстраполяции знания при сопоставлении разнородных объектов и явлений, так как она указывает на возможные новые свойства рассматриваемых объектов.

Группа терминов-метафор создается использованием терминов физической географии и картографии для обозначения поверхностных образований на микросхеме: *mapping* – планировка полупроводниковой пластины (картографирование), *map* – карта полупроводниковой пластины (рельефная карта), *legend* – маркировка (легенда карты), *road map* – монтажная схема (карта дорог), *valley* – долина, *plateau* – плато и др. В целях представления структуры полупроводниковой платы заимствованы термины из геологии: *substrate* – подложка микросхемы (подпочва), *dip* – углубление эмитера (падение жилы или пласта), *socket* – карман (небольшая залежь). У приведенных примеров моделей и метафор познавательная функция выражена в меньшей степени. Они нацелены на создание эффекта наглядности, что очень важно в конструировании и производстве микрообъектов [102; 103].

Благодаря тому, что метафора обладает моделирующей

способностью, она может выполнять в процессе создания и употребления терминов- метафор разнообразные функции. Так, при формировании новых концепций и понятий о структуре атома модели и метафоры выполняли познавательную функцию. Открытие планетарной модели и создание квантовой теории, согласно которой траектория электрона представлена в виде электронного облака, свидетельствовали о смене познавательной функции ранних моделей и метафор на функцию объективизации нового знания, которая проявилась частично в виде метафорической номинации. В период введения новых концепций в научный обиход на первый план выдвинулась объяснительная функция, которую, впрочем, рассматриваемые модели и термины-метафоры выполняют по сей день в процессе обучения.

Таким образом, механизм научной метафоры в период становления понятий и концепций состоит во взаимодействии известных и постигаемых понятий. Во время исполнения объяснительной функции ее механизм сводится к формальному сравнению.

2.5. Словарное группирование концептуальных метафор

В терминологии микроэлектроники термины-метафоры отнюдь не единичны, они составляют более или менее значительные по объему тематические группы. Их можно выделить семь. Перечислим их по частоте и важности: 1) геоморфная метафора, 2) антропоморфная метафора, 3) «интеллектуальная» метафора, 4) «транспортная» метафора, 5) зооморфная метафора, 6) «кулинарная» метафора, 7) «бытовая метафора»

Наименования групп метафор условны. Рассмотрим каждую из них в отдельности, начиная с минимальных по количеству примеров.

Общей особенностью и существенной характерной чертой

бытовой, кулинарной и зооморфной метафор является то, что они служат источником образования исключительно технических терминов в рассматриваемой терминологии. Поэтому мы считаем целесообразным рассматривать эти метафоры вместе.

В качестве строительного материала для образования наименований, терминирующих разные объекты технологических операций, привлекаются:

- 1) названия предметов быта: button ‘пуговица’, nail ‘гвоздь’, package ‘свёрток; упаковка’, pillow ‘подушка’ и др.;
- 2) название предметов кулинарии: wafer ‘вафля’, sandwich ‘бутерброд’, cooker ‘плитка, печь’ и т.д. Перечисленные слова общеупотребительной лексики относятся к так называемой предметной лексики, для единиц которой характерна прозрачная внутренняя форма, ясно указывающая на главные признаки соответствующих денотатов.

Указание на определённой чувственно воспринимаемый предмет содержит также глаголы, образованные от соответствующих конкретных имён существительных путём конверсии, например, to rot ‘разливать варенье’, to dice ‘нарезать в форме кубиков’.

Несмотря на то, что в семантической структуре этих многозначных слов есть и переносные (вторичные) значения, соответствующие термины-метафоры микроэлектроники созданы на основе основного (первичного) значения при наличии сходства всего образа, воспринимаемого как целостность. Следовательно, внутренняя форма охватывает всё содержание внешних признаков данных предметов и процессов действительности.

Зооморфная метафора объединяет названия животных, частей их тела и другие названия, связанные с их существованием. В большинстве случаев это словосочетания, такие, как bird’s beak ‘птичий

клюв' (инструмент в виде птичьего клюва), mouse bites – 'откусанный мышью кусочек' (неровные края металлического листа), white elephant 'белый слон' (отводы трубы диффузной печи), fish bowl 'аквариум' (стеклянная емкость для химической обработки деталей).

Посредством метафоризации на основе сходства по форме, т.е. по внешнему классифицирующему признаку, созданы термины, обозначающие дефекты поверхности и установки.

Особенность метафорических терминов, которые возникли на базе конкретной лексики, заключается в том, что это технические термины "низшего уровня," т.е. такие технические термины, которые соотносятся с понятиями, находящимися на периферии системы (конструкции или технологического цикла операций). Эти термины конкретны и предметно соотнесены. Например, slice – полупроводниковая пластина, заготовка из полупроводникового материала, используемая для изготовления микросхем; water – плата интегральной микросхемы, подложка, на которой нанесены плёночные элементы, межэлементные и межкомпонентные соединения и контактные площадки микросхемы; chip (die) – полупроводниковый кристалл с интегральной микросхемой.

Сложную "привязанность" к предметам проявляют и глагольные термины обозначающие технологические операции в производстве интегральных микросхем: названные примеры to pot – производить герметизацию, to dice – резать полупроводниковые пластины на кристаллы, а также соответствующие им имена действий: potting и dicing.

"Транспортная" метафора охватывает следующие тематические группы общеупотребительной лексики:

- 1) названия транспортных средств: bus 'автобус', train 'поезд', boat 'лодка, судно';

- 2) названия составных частей транспортного средства: buffer ‘буфер’, accumulator ‘аккумулятор’;
- 3) названия путей и дорог: highway ‘главный путь’, trunk ‘магистраль’, route ‘маршрут’;
- 4) названия механизмов регулирования движения и профессий: semaphore ‘светофор; семафор’; driver ‘шофёр’;
- 5) названия отправных и конечных пунктов транспортного движения: terminal ‘вокзал’, port ‘порт’.

Транспортная метафора является источником терминов, которые распределены по разным терминологическим полям, соответственно принадлежат к разным разрядам. Так, терминологический термин path принадлежит к общей теории электричества и входит в состав теоретических терминов current path – путь тока, leakage path – путь утечки, free path – свободный пробег (длина свободного пробега) частиц. Path ‘пробег частиц’ употребляется и самостоятельно. Подобные термины создаются, когда сходным оказывается какой-то типологизирующий признак, ср., например, технический термин boat ‘лодка’ (сходство формы) и теоретический термин-метафора path ‘пробег’ (направление в пространстве, по которому происходит движение).

Большинство терминов, основанных на “транспортной” метафоре, – технические термины, которые входят в состав, частного терминологического поля “микропроцессорная техника”. Метафорические термины, входящие в эту группу, описывают хранение, обработку и передачу информации и разделяются на четыре группы:

- 1) название линий и каналов передачи информации (bus “шина”, trunk ‘линия связи’ route ‘тракт передачи данных’);
- 2) названия механизмов регулирования передачи информации

- (‘semaphore’, driver ‘управляющее устройство’);
- 3) названия ввода и вывода данных (terminal ‘терминал’, port ‘вход/выход полупроводникового прибора’);
 - 4) названия средств хранения и обработки информации (buffer ‘буфер’, accumulator ‘накапливающий сумматор’).

Другое терминологическое поле, созданное на основе “транспортной” метафоры, включает термины, которые связаны с технологией производства интегральных микросхем. Эти термины обозначают:

- 1) транспортировку полупроводниковых пластин и кристаллов (boat ‘лодочка’, vehicle ‘носитель кристаллов’);
- 2) линии на полупроводниковой пластине (street – ‘промежуток между кристаллами на полупроводниковой пластине’, road – ‘монтажная линия’).

В целом большинство терминов «транспортной» метафоры [102, с.88] – это термины вычислительной техники. Они представляют собой чрезвычайно характерный для этой терминологии обобщенный образ, в котором метафоричен каждый термин в отдельности и весь комплекс этих терминов в целом. В данном случае он приложим к одной сфере вычислительной техники – передаче и обработке информации. Мы полагаем, что такая «метафорическая картинка», образованная комплексом этих терминов, возможна потому, что пути сообщения, автотранспортные средства, регуляция движения, действующие лица в этой области сами в определенной степени семиотичны.

2.6. Словарная деривация концептуальных метафор

«Интеллектуальная» метафора в английской терминологии микроэлектроники охватывает технические термины logic, arithmetic, Boolean algebra, alphabet, character, word, language, metalanguage, dialect,

которые взяты из вычислительной техники и относятся к терминологическому полю «микропроцессорная техника». Список этих терминов не закрыт. Мы приводим только те термины, которые наиболее часто используются микроэлектроникой [100].

Данные термины-метафоры микроэлектроники образованы на основе:

- 1) терминов, обозначающих области знания (logic ‘логика’, arithmetic ‘арифметика’, Boolean algebra ‘Булева алгебра’);
- 2) некоторых основных терминов лингвистики (alphabet ‘алфавит’, character ‘буква’, word ‘слово’, language ‘язык’, metalanguage ‘метаязык’, dialect ‘диалект’).

Эти термины отождествляют неодушевленное с одушевленным и являются частью метафоры «человек – машина», которая включает умственные характеристики и операции, язык и формы его существования, семейные отношения.

В основе подобных терминов лежит по сути антропоморфная метафора, ср. такие термины, как memory ‘память’, intellect ‘интеллект’, son или child ‘следование’, brothers или twins ‘сходство’, father или parent ‘преемственность’.

Антропоморфная метафора чрезвычайно многочисленна и разнообразна. Главной причиной обилия этого типа метафор является тот факт, что «ничего в исследовании природы мы не получаем без изначальной антропологизации предмета исследования» [86, с.13]. Отождествление окружающего мира с человеком было и остается незаменимым приемом в познании. В наше время человеческое воображение далеко от возможности непосредственного идентифицирования исследуемого объекта (особенно актуально это в науках физико-математического цикла) с реально существующим предметом. Так как нет возможности увидеть, представить,

почувствовать объект, ученые прибегают к аналогиям, более или менее близким миру человеческих чувств и воображения, в то же самое время полагаясь только на разум, на понятийный аппарат данной области знания.

В микроэлектронике термины антропоморфной метафоры образованы на основе разных аналогий, среди которых обнаруживаем:

- 1) биологические характеристики людей,
- 2) виды движения,
- 3) семейные отношения,
- 4) социальные отношения,
- 5) социальные характеристики.

Среди перечисленных аналогий своей продуктивностью выделяются - биологические характеристики людей и высокоорганизованных животных. При этом наблюдается одновременное использование некоторых терминов в разных терминологических полях, которых в терминологии микроэлектроники несколько. Так, термины *life*, *lifetime* 'время жизни', *fatigue effects* 'усталостные эффекты', *behaviour* 'режим, характеристика' употребляются для обозначения характеристик носителей заряда и электронной аппаратуры. Кроме того, для обозначения параметров, свойств и других характеристик электронной аппаратуры, в том числе микроминиатюрных приборов, используются как имена существительные (например, *end of life* 'конец срока службы', *ageing* 'старение'), так и имена прилагательные и причастия (*infant* 'ранний', *dead* 'бракованный; мертвый' и др.). Тем самым, проводятся параллели между жизнью человека и сроком службы какого-либо прибора.

Что касается носителей заряда, то они имеют *life*, *lifetime* 'время жизни', *relaxation time* 'время релаксации', *fatigue effects* 'усталостные эффекты'. Для них характерны: *excitation* 'возбужденность', *behaviour*

‘поведение’, а энергетическим уровням, которые они занимают, – population ‘заселенность’. Кроме того, противоположно заряженные частицы находятся в определенных отношениях друг с другом, которые описываются посредством метафорических олицетворяющих предикатов: to attract ‘притягивать(ся)’, to repel ‘отталкивать(ся)’, to capture ‘захватывать’. Отсюда и соответствующие названия разных видов движения носителей заряда: attraction, repulsion, capture, а также migration ‘миграция’, transit ‘пролет’, transport ‘перенос’, crowding ‘сжатие тока’.

Вполне очевидно, что олицетворения, поддерживая друг друга, создают целостный образ, посредством которого на определенном этапе познавательного процесса моделируют данный фрагмент действительности, выявляя все новые стороны исследуемых объектов.

В терминологии микроэлектроники, в противоположность таким старейшим отраслям техники, как машиностроение, металлообработка, приборостроение и кораблестроение, сравнительно мало терминов, в создании которых использованы названия частей тела человека и животных. Самыми показательными среди них являются body – подложка интегральной микросхемы (обиходное значение ‘тело’), lip – нависающий выступ резиста на краях окна (обиходное значение ‘губа’), capillaries – установка шариковой термокомпрессии (обиходное значение ‘капилляры’). Наряду с однословными метафорическими терминами имеются и двусловные, где в роли главного компонента выступает метафорический термин, например: laser eye ‘лазерный глаз’ (eye ‘глаз’), reading head ‘считывающая головка’ (head ‘голова’), face down method ‘метод перевернутого кристалла’ (face ‘лицо’). Как правило, эти антропоморфные термины обозначают детали и составные части приборов. В отдельных случаях они терминируют разные образования в затвердевшей жидкости (lip).

Наименования семейных отношений используются для образования терминов, характеризующих электронные приборы, материалы и т. п. с точки зрения их сходства (параметры или принципы конструкции): family ‘серия; группа’, twin ‘двойник’, а также следования и преемственности: generation ‘поколение’, parent ‘исходный материал’, mother/mother crystal ‘сырой кристалл’.

Чтобы выразить отношение «главный – подчиненный», в терминологии прибегают к аналогии с социальными отношениями, master и slave (master – slave flip-flop ‘ведущий – ведомый триггер’), host и guest (host substrate ‘основная подложка’; guest substrate ‘вспомогательная подложка’). В данные метафорические термины входят слова общеупотребительной лексики: master ‘хозяин’, slave ‘раб’, host ‘хозяин’, guest ‘гость’.

Термины acceptor и donor, в свою очередь, выражают отношение «принимающий – отдающий».

Использование социальных характеристик людей (только отрицательных) породило такие антропоморфные термины, как thief ‘вспомогательный электрод’ (общеупотребительное значение ‘вор’) и killer ‘поглощающая примесь’ (общеупотребительное значение ‘убийца’).

Антропоморфная метафора используется для создания как теоретических терминов, так и технических. Если теоретическими терминами в пределах антропоморфной метафоры являются термины, обозначающие свойства и виды движений носителей заряда, а также некоторые свойства вычислительной машины, то технические термины антропоморфного характера охватывают следующие области: 1) детали и составные части приборов, 2) свойства и параметры электронной аппаратуры, 3) отношения сходства, преемственности и следования, а также «главный – подчиненный», «принимающий – отдающий».

Геоморфная метафора, о которой мы уже говорили выше, является источником ключевых терминов микроэлектроники. Микроэлектроника, естественно, вобрала в себя терминологию электроники и формирует свою собственную, что отражает исторические этапы в развитии данной отрасли, а также определенную преемственность в терминообразовании.

Материалом для терминообразования в данном случае служат слова с различной семантической структурой. Их можно разделить на три группы. К первой группе относятся многозначные слова с одним или даже несколькими переносными значениями (например, *store*, оно имеет прямые значения: 1) ‘запас; изобилие’, 2) мн. ч. ‘запасы, припасы; имущество’ – и переносные значения: 3) ‘склад’, 4) ‘амер. магазин; 5) ‘лавка’, мн. ч. ‘универмаг’, 6) ‘большое количество’, причем для создания терминов используются переносные значения. Ср. также *window*, слово, которое было использовано как термин в пяти областях знания, *bridge* – в четырех терминосистемах: в морском деле ‘капитанский мостик’, в медицине ‘мост для искусственных зубов’, в металлургии ‘порог топки’, в электротехнике ‘параллельное соединение, шунт’.

Если слова первой группы имеют свободный характер, то вторая группа слов в их переносных значениях фразеологически связаны. Например, переносное значение у слова *boat* ‘лодка’ проявляется только в таких словосочетаниях, как *to be in the same boat* ‘быть в одинаковых условиях’ и *to sail in the same boat* ‘действовать сообща’. Соответствующий термин *boat* ‘лодочка’ обозначает ‘контейнер для погружения полупроводниковых пластин в диффузную печь’. Таким образом, можно предположить, что при метафоризации таких фразеологически связанных переносных значений слова фразеологизм как таковой распадается и из него берется лишь слово *boat*, вбирающее

в себя все значение фразеологизма. На его основе строится метафорический термин.

Третья группа слов интересна тем, что это, как правило, однозначные слова, у которых нет переносного значения, типа *route* 'маршрут; курс' и *latch* 'щеколда; американский замок'. Поэтому, когда речь идет о метафорическом терминообразовании на базе однозначных слов, то созданные термины-метафоры являются их первичным переносом значения.

Как показал анализ метафоризации в терминообразовании, этот семантический процесс охватывает все виды обиходных слов: однозначные и многозначные слова, как слова с переносными значениями (свободными и связанными), так слова без переносных значений.

Выводы по 2-ой главе

Картина мира включает различные типы знания, которые могут быть представлены как языковые и неязыковые и образующие соответственно языковую и концептуальную картины мира. Концептуальная картина шире языковой, так как не все концептуальное содержание получает свое обозначение в языке, и не все концепты становятся предметом коммуникации.

Каждый естественный язык отражает определенный способ концептуализации мира. При этом значения, которые выражаются в языке, формируют единую систему взглядов, которая характерна для всех носителей данного языка.

Как уже было отмечено, исходное слово при метафоризации не исчезает, а остается в словаре общеупотребительного языка, сохраняя прежнюю семантику. Со временем, благодаря детерминологизации слово общеупотребительного языка может приобрести новое значение.

Ярким примером такого процесса служит появление значения 'полупроводниковый кристалл' у общеупотребительного слова *chip*, которое возникло в результате детерминологизации соответствующего термина микроэлектроники. При детерминологизации происходит расширение сферы употребления термина и упрощение его специального значения, что и произошло с термином *chip*. Другой вид детерминологизации связан с освоением термина литературным языком, в результате чего создается новое слово, как это имело место с термином *heating* – *накал*, обозначающим состояние очень высокой температуры. Данный термин вошел в состав общей лексики посредством метафоризации, приобретя значение 'очень большое напряжение'. При этом термин не теряет своего места в терминологическом поле и не утрачивает связи с соответствующим ему понятием. Термины специальных областей знания служат источником пополнения словарного состава общеупотребительной лексики.

Отсюда следует, что сугубо семантический подход к метафоре как неявной аналогии не может служить основой для психолингвистических моделей понимания метафоры. Необходимо новое, более широкое толкование природы метафоры, согласующееся, в частности, с психолингвистическими исследованиями. Мы по-прежнему очень мало знаем о природе метафор – слишком мало для того, чтобы с уверенностью сказать, каким образом и благодаря чему мы их понимаем.

Полученные в ходе исследования результаты приносят новые данные в общую теорию когнитивной лингвистики в целом и когнитивную теорию метафоры в частности. Основные структурные характеристики процесса метафоризации получают конкретизацию в виде когнитивных моделей концептуальных метафор и их проекций. Сочетание в работе традиционных методов лингвистического анализа (компонентно-дефиниционный анализ) с когнитивно-интерпретационным методом позволяет проследить механизмы

переосмысления, характерные для речевого использования.

Глава 3

Концептуальная метафорика в тексте

3.1. Общий подход к текстовому анализу концептуальной метафорики

Метафору в художественном тексте можно рассматривать с разных точек зрения – структурной и семантической, с точки зрения ее происхождения и роли в тексте. Эти проблемы пересекаются друг с другом и восходят к одной более общей проблеме – проблеме соотношения прямого и непрямого способов выражения.

Компаративные тропы, в состав которых входят и метафоры разных типов, самым тесным образом связаны друг с другом. Одна и та же смысловая связь имеет разные конкретные выражения. Это делает метафору одним из средств варьирования обозначений. Для поэтического языка характерно расширение круга варьирующихся средств. Ряд компаративных тропов пополняется новообразованиями, часть которых сразу возникает как метафора.

На обратимости тропов, на способности тропов к взаимопревращению основан один из способов обновления стершихся

метафор – разложение их на составные части и превращение метафоры в сравнение.

В тексте метафоры также используются как средство варьирования обозначений. Один тип метафоры легко переходит в другой.

Связь метафоры и сравнения обнаруживается не только тогда, когда они выражают сходные смысловые отношения, но и тогда, когда они оказываются в однотипных позициях и выполняют сходные функции. В однотипных ситуациях используются не только метафоры, но и сравнения. Когда разные предметы речи приобретают однотипные образные соответствия, они могут выражаться то метафорой, то сравнением.

При развертывании тропа отправной точкой может быть и сравнение и метафора. Результатом развертывания исходного тропа также может быть и сравнение и метафора. Только в части случаев и отправная точка и результат выражены тропами одного типа, например метафорами.

Чаще же исходная конструкция выражена тропом одного типа, а результат его развертывания – тропом другого типа.

Картина усложняется, если в результате развертывания тропа появляются однородные члены, которые, в свою очередь, могут быть выражены и однотипными, и разнотипными конструкциями.

Таким образом, тексты разных типов демонстрируют внутреннюю связь компаративных тропов и их зависимость друг от друга, которая в одних текстах проявляется как смысловая, в других – как функциональная.

Метафоры используются как один из способов номинации и в этом качестве соотносятся с прямыми обозначениями реалий. За каждым из типов именных метафор закреплён свой смысловой и

художественный эффект, связанный с характером соотношения между прямым и непрямым обозначением. В именных метафорах одного типа – метафорах-сравнениях прямое обозначение и его метафорическое соответствие выражены непосредственно, в другом типе метафор непосредственное выражение имеет только собственно метафорическая часть.

Для текста характерно удвоение обозначений одной и той же реалии, сосуществование прямого и метафорического слова. Эта особенность выражена не только в распространении метафор-сравнений, но и в использовании других конструкций.

Отношения между прямым и метафорическим обозначением определенного предмета речи могут быть и не столь прямолинейными. В некоторых текстах прямое обозначение сочетается с глагольной антропоморфной метафорой, которую развивает именная метафора со значением орудия действия, объекта действия и т. п., фактически дублирующая прямое обозначение.

Прямое и не прямое обозначения могут не только непосредственно примыкать друг к другу, но и быть оторванными друг от друга.

Двойственность номинации, имеющая место вне зависимости от того, выражено ли прямое обозначение или нет, определяет и двойственный характер смысловых связей, которые исходят то от прямого значения слова, то от его метафорического соответствия. Контексты, основанные на сходных смысловых связях, наглядно демонстрируют разные возможности распределения прямого и непрямого обозначений.

В стихотворении Анненского «Decrescendo» морской вал имеет метафорическое соответствие *бык*. Одна из строф содержит развитие этой метафоры: То, как железный, он канет в бездны И роет муть, То, *бык* могучий, нацелит тучи *Хвостом хлестнуть*. Затем речь идет о вале,

который приобретает характеристику быка: „Но ближе... ближе, и вал уж ниже, Не стало сил, К ладье воздушной *хребет послушный* Он наклонил. В стихотворении Бальмонта «Кони бурь», о котором уже шла речь, громы приобретают характеристику коней, но этот принцип последовательно не выдерживается: Мир растений изумрудный Весь прикрыли мглою *грив*; И *промчались* в небе взрытом, Арку радуги дожгли И ушли, гремя *копытом*. В результате двойственности частных преломлений исходного тропа возникают колебания между прямыми и непрямыми обозначениями, но этот общий принцип в разных конкретных текстах реализуется по-разному, поскольку предпочтение отдается какому-то определенному типу связей.

Отношение метафоры к ее контекстному окружению двойственно. В ряде текстов метафора стремится распространить свое влияние на непосредственное словесное окружение, подчиняя себе относительно широкий контекст. В самых простых случаях именная метафора согласуется с глагольной.

В результате взаимодействия лексически согласованных глагольных и именных метафор возникают метафорические высказывания разной степени сложности.

На развитии связей опорного слова метафоры основана и реализация метафоры, при которой оно используется как слово в прямом значении.

В других случаях эффект метафоры основан на противоположных ее качествах – на изолированности ее от окружающего контекста, на известной самостоятельности и несогласованности с контекстом.

Одно из распространенных проявлений несогласованности метафоры с окружающим контекстом – метонимия признака, более или менее последовательно сопровождающая метафоры. В результате возникают разные типы метафорических сочетаний. Это сочетания

отвлеченного существительного с цветовыми прилагательными.

Способность опорного слова метафоры вступать в два типа словесных связей – развивать собственные связи и опираться на связи прямого обозначения – создает двунаправленность некоторых контекстов, в которых сочетаются обе возможности организации текста.

Две тенденции определяют характер использования одной и той же метафоры в разных текстах, в которых вещественная основа метафоры либо обнажается, либо, напротив, стирается. В этой связи представляет интерес судьба некоторых поэтических формул. Она отчасти определена тем, что с ними происходит два разнонаправленных процесса: с одной стороны, вещественная основа опорного слова стирается и затушевывается, с другой – она подновляется и возрождается.

Опорное слово метафоры утрачивает свою вещественность.

Развеществлению опорного слова метафоры способствуют и глаголы:

Метафора не только стремится подчинить своему влиянию развернутые фрагменты текста, но и накладывается на тропы других типов, осложняя их. Прежде всего метафора накладывается на сравнение. Основание для сравнения, будь то признак или действие (прилагательное или глагол), совмещает в себе прямое и переносное употребление слова. Метафорическое употребление соотносено с предметом сравнения, прямое – с образом сравнения. Сравнительный оборот как бы мотивирует необычные связи между словами, отсылая к обычным.

Изображение разного в едином словесно-образном ключе сопровождается отсутствием четких границ между прямыми обозначениями и метафорами.

Второй тип контекстов, в которых метафора представляется результатом развития внутренних связей текста, основан на развертывании компаративного тропа. Отправной точкой таких построений может быть подчеркнуто традиционный троп, от которого ответвляются частные тропы и в том числе метафоры.

Частные тропы, в том числе и метафоры, кроме своего непосредственного смысла, имеют и другой смысл – они значимы как отсылки к более общему образному представлению, как его представители и заместители, как указание на определенный образ мира.

Таким образом, определенное устойчивое представление приобретает множество индивидуальных преломлений, которые то приближаются к традиционному, то удаляются от него настолько, что связь с ним почти перестает ощущаться. В то же время каждое из этих преломлений вырастает из внутренних отношений между словами, существующими в тексте. Единство заданного, традиционного и индивидуального его преломления в конкретном тексте обеспечивает жизнеспособность устойчивых представлений и поэтических формул, которые не столько воссоздаются, сколько создаются заново в соответствии с задачами и потребностями текста, в разной мере отклоняясь от традиционного прототипа.

Проблема соотношения прямого и непрямого способа называния и изображения может быть рассмотрена и еще с одной точки зрения, а именно – как эти способы совмещаются в тексте при изображении разных отрезков действительности. Во множестве текстов, в конструкциях и позициях, которые предполагают семантическую однородность, совмещаются два различных принципа обозначения – прямой и метафорический. Синтаксис приходит в известное противоречие с семантикой. Это прежде всего обнаруживается в

конструкциях с однородными членами. Наряду с прямыми обозначениями, перечисления включают в себя метафоры разных типов. На фоне прямых обозначений довольно последовательно используются метафоры-сравнения, основанные на сближении конкретного с конкретным.

3.2. Функциональный аспект концептуальной метафорики текста

Здесь можно отметить две стороны, связанные между собой: использование метафор в языковой системе как средства номинации и их употребление в речи в различных функциональных стилях. Как известно, существуют четыре способа номинации, создания обозначения для нового объекта: словообразование, переосмысление (в том числе и метафорическое), словосочетание и заимствование. Языки, следовательно, могут различаться по степени использования метафорических обозначений по сравнению с другими способами формирования номинаций. Французский язык нередко прибегает к метафорическому переосмыслению там, где в русском языке используются словообразовательные и иные средства. Например, деталь в вычислительной машине получила название русе букв. 'блоха' (по-русски кристалл или подложка интегральной схемы), champignon d'atomiseur (букв. 'гриб') и конус распылителя. Даже если в русском языке используется термин метафорического происхождения, он нередко имеет менее сильные ассоциации с общеупотребительным словом, чем соответствующий французский, ср. авиационно-космические термины chapeau букв. 'шапка, шляпа' и его русские эквиваленты колпак, крышка, кожух. Фр. chapeau одновременно является и обычным широко употребительным словом: крышка – прямое обозначение предмета, колпак и кожух в прямом значении обозначают менее обыденные объекты, чем chapeau, и, следовательно, метафорические ассоциации у них слабее, чем у французского слова. Большая легкость переноса значений размывает границы между функциональными стилями.

В речи каждый язык может использовать метафоры специфически: одни чаще прибегают к метафорическим обозначениям, другие – реже, причем это касается не только литературно-художественной речи, где у каждого языка есть свои традиции, но и других стилей речи: публицистического, научно-технического и даже административного. Так французский научный стиль более «метафоричен», чем русский [100].

Мы рассмотрели основные аспекты сопоставительного анализа метафоры, соотношения универсального и специфического в метафорическом переносе. В плане выражения типологические различия проявляются в использовании специальных средств метафоризации, в различии полных и частичных метафор. Семантическая типология наиболее многоаспектна. Она касается степени стертости метафор и, что заслуживает особенно подробного анализа, видов метафорических расхождений. Изучение и инвентаризация этих типов позволит выявить случаи параллельного метафорического развития слов в разных языках и, следовательно, регулярную полисемию метафорического типа, позволит составить общую «карту» метафорических связей между отдельными словами-понятиями наподобие приведенной выше схемы звуковых переходов.

При семантико-сопоставительном анализе метафор целесообразно различать: 1) типы переноса, отражающие переносы между общими сферами внеязыковой действительности, например, человек – животное, животное → человек, животное → растение, артефакт → человек, животное → артефакт, синтестетические переносы и т. п.; типы переносов универсальны; 2) подтипы переносов, ограничивающиеся определенной лексико-семантической группой слов (ЛСГ): метафоры, образованные от глаголов движения, от терминов родства, от наименований посуды, переносы из области спорта, карточной игры, охоты, транспорта и т. п. Эти переносы менее универсальны, для каждого языка можно выявить характерные ЛСГ, поставляющие метафорические номинации, и ЛСГ, получающие таковые; 3) виды метафор, объединяющие два слова, выражающие определенные понятия. Виды метафор наименее универсальны, но

здесь, как мы видели, можно обнаружить фреквенталии, регулярности, отражающие общность ассоциаций, свойственных народам, говорящим на разных языках. И, наконец, в функциональном аспекте выявляется различное использование метафор в языке и в речи.

Экспрессивность языковых фактов, создаваемая эмотивным (эмоциональным в своей основе) отношением говорящего к обозначаемому, а именно – осознанное и опредмеченное в форме чувства-отношения переживание типа одобрения, восхищения, уважения и т. п. – с одной стороны, а с другой – неодобрения, презрения, пренебрежения, порицания и т. д., является результатом взаимодействия нескольких факторов, образующих достаточно сложную архитектуру. И одним из этих факторов, непосредственно стимулирующих эмоциональный «всплеск», а затем – и чувство-отношение к обозначаемому, выступает тот образ, который тропеически «наводится» в акте номинации и появляется в поле сознания говорящего и реципиента, возбуждая то оценочное отношение, которое выше было охарактеризовано как добавочная модальность.

Антропометричность, проявляющаяся в выборе того или иного вспомогательного для метафоры средства, вносит в метафоризацию субъективный фактор, который проявляется в разных функциональных типах метафор по-разному – в зависимости от ориентации метафорического результата на объективное отображение мира или же на субъективное.

Очевидно, что антропометричность – один из наиболее продуктивных механизмов формирования языковой картины мира. Достаточно сказать, что сфера обозначения непредметных сущностей пополняется в основном за счет метафорического смыслопроизводства, а это последнее «питается» антропометрическим взглядом на «возможный мир». Достаточно сказать, что в языке существуют целые парадигмы связанных значений слов, восполняющие дефицит номинации в указанной сфере.

В метафоре происходит не простое уподобление (типа сравнения), а своего рода «перетасовка» признаков в процессе интеракции основной сущности и двух

вспомогательных – признаков, актуализирующихся в «буквальном значении», и признаков, ассоциируемых с представлением о референте этого значения, рассматриваемом, однако, с точки зрения замысла метафоры и ее цели. Все эти признаки «запускаются» в синтез посредством их выравнивания на основе аналогии, завершающей когнитивную их обработку в рамках целостного концепта.

Резюмируя анализ метафорического процесса, можно сказать, что метафоризация – это процесс, приводящий к получению нового знания о мире в ходе его оязыковлениия путем использования уже имеющихся в языке наименований. В этом процессе взаимодействуют следующие сущности (или актанты): субъект метафоры и его новое знание о мире – с одной стороны, а с другой – его знание языковых значений и их ассоциативных комплексов (личный тезаурус); субъект метафоры и его замысел относительно объема нового понятия и цели метафорической интеракции, что включает в этот процесс и фактор адресата.

Итак, метафора – это способ создания новых концептов с использованием знаков, уже имеющихся в данной семиотической системе. И при этом для метафоры существенно, что она изначально настроена на диалогическую форму развития ее содержания и понимания, благодаря модусу «как если бы», который ориентирован на «внутреннее» соглашение принять это условие фиктивности (и убедить в ней адресата). Вводя метафору, этот модус обеспечивает возможность выбора имени, сколь угодно отдаленного по содержанию и родовидовым различиям; этот же модус обеспечивает субъективность включаемых в интеракцию ассоциативных комплексов; только благодаря принципу фиктивности оказывается возможным нарушить логический порядок текста с тем, чтобы обогатить его новыми смыслами.

Понять метафору – значит разгадать, какие из свойств обозначаемого объекта выделяются в ней и как они поддерживаются за счет ассоциативного комплекса, имплицитного основным и вспомогательным объектами

метафоры. Неоднозначность прочтений присутствует в метафоре, поскольку ее основной объект скрыт за вспомогательным, но оба они в конечном счете образуют единый сплав – новое значение.

Экспрессивно-оценочная, или эмотивно окрашенная, метафора обладает наиболее сложным построением (по сравнению с другими языковыми метафорами).

Экспрессивно-оценочная метафора при всей ее обычности и «обиходности» пополняет все же лексику непредметной действительности, а именно – характеристику свойств личности, ее поступков, в меньшей степени – свойств предметов и абстрактных сущностей. Метафора этого типа не только и не столько необходима для целей расчленения и вербализации действительности, сколько для прагматических целей: она не описывает, а выражает через исходный образ эмотивное отношение говорящего к обозначаемому данного языкового знака, обуславливая экспрессивность тем, что в ней совмещаются по крайней мере три модальности – оценочная, эмотивная и стилистическая, что является достаточно сильным прагматическим слоем в семантике экспрессивно-оценочных значений и что предопределяет условия их функционирования.

Концептуальная метафора, как и другие типы метафор, является выражением свойства сознания познавать объекты на основе аналогии, по принципу *als ob* («как если бы»), позволяющему перешагивать в уподоблениях через границы естественного категориального членения действительности. В субстантивной концептуальной метафоре непредметный объект представлен так, «как если бы он был предметом другого рода», на основании сходства по ограниченному числу параметров. При этом присутствует осознание фиктивности отождествления различных по своей природе объектов. В принципе *als ob* заложена идея моделирования как приема познания сложных сущностей, в том числе объектов, недоступных непосредственному наблюдению. Метафорический научный термин способствует рассмотрению исследуемого объекта как аналогии другого. Модель дает возможность строить предположения

на основе некоторых известных общих признаков. Такого рода метафоры, основанные на модели и способствующие развитию научной мысли, в наибольшей степени продуцируют знания и являются инструментами познания.

Постановка вопроса о метафоре как средстве формирования концептов стала возможной в теории интеракции (*interaction theory of metaphor*), рассматривающей метафору как взаимодействие двух участвующих в ней сущностей – обозначаемого и образного средства.

Образно-поэтическая метафора функционирует в художественной речи. Она входит в образный контекст и в нем реализует свои креативно-образные потенции, обусловленные ее коммуникативной направленностью – выражением субъективного видения мира. Концептуальные метафоры также могут использоваться как средства художественной речи и «оживать», т. е. наполняться новым образным содержанием в системе текста. Проследить возникновение и характер развития каждой из таких метафор довольно сложно, однако можно указать на одно их общее свойство: формирование концепта в данном случае опосредовано эмоциональным отношением со стороны говорящего. Коммуникативная установка, совмещающая концептуальную, эмоциональную и эстетическую стороны, способствует сохранению некоторыми концептуальными метафорами доли образности.

Анализ концептуальной метафоры показывает, что ее значение формируется на основе взаимодействия двух компонентов – обозначаемого и образного средства. Обозначаемое метафоры задает ее направление в зависимости от представления говорящего об объекте и коммуникативного намерения; вспомогательный компонент выбирается среди ряда возможных в зависимости от того языкового понятия, которое он выражает и которое согласуется с намерением говорящего – обозначить определенную грань непредметного объекта.

Метафора в области фразеологии, в отличие от художественной метафоры, не индивидуальна. Напротив, в основу образной мотивированности может лечь

только тривиальная, стандартная метафора, понятная всему языковому коллективу и в силу этого прошедшая процесс фразеологизации. Процесс фразеологизации связан в языке с определенными механизмами их создания. В качестве таких механизмов выступает способность языковых знаков к формированию вторичных значений на основе переноса первичных значений и производства мотивированных языковых единиц. Становление новых словесных знаков на основе стертых метафор только чисто внешне сходно с процессом фразеологизации. Последний предполагает обязательно сочетание слов, но не одно слово, изменение сочетаемостных возможностей словосочетания, появление определителей («коррекции наоборот»), указывающих на утрату связи между денотатом и его именованием, наконец, возможность словосочетания нести в себе смысл того первичного контекста, который со временем полностью утрачивается и от которого сохраняется только образ.

Разумеется, среди образных средств не только метафора ложится в основу идиомы. Например, большое место в этом занимает метонимия, поскольку отнесение к лицу, очень часто ведущее к фразеологизации словосочетания, нередко бывает связано с переносом значения по смежности. Идиомы, мотивированные на основе этих фигур речи, ведут себя по-разному в отношении, например, их возможного моделирования или построения парадигмы, в отношении вариантности.

На наш взгляд, можно сформулировать следующую дилемму на современные представления о природе метафоры и процессы ее понимания. С одной стороны, существуют весомые доказательства, что обработка, т. е. понимание метафор осуществляется посредством того же механизма и требует в принципе тех же усилий, что и обработка буквальных высказываний. И это верно в том случае, когда обработка метафор представлена не как рассмотренная выше задача реконструкции, а как процесс распознавания конкретных случаев типовых метафор [91]. С другой стороны, в соответствии с общепринятой моделью метафоры как неявной аналогии для ее обработки должно потребоваться

значительно больше усилий, чем это подтверждают данные психолингвистических экспериментов. Закономерно возникает вопрос – как совместить два подхода.

Здесь следует иметь в виду еще и то обстоятельство, что предлагаемые многочисленные концепции метафоры являются по существу семантическими – объединение метафор в конкретные классы основывается на определенных типах соответствий между первичным и вторичным объектами метафоризации. Посредством метафорического соответствия происходит «перенос» целей, стратегий планирования, каузальных структур, функциональных атрибутов, социальных ролей, структурных отношений, конкретных характеристик. И как бы этот список метафорических соответствий ни был расширен и модифицирован, в каком бы контексте он ни рассматривался в любом случае в его основе лежит базисное семантическое отношение между первичным и вторичным объектом метафоризации.

3.3. Перенос наименования концептуальных метафор в тексте

Все окружающие нас объект обладают многообразием признаков, различных по своему характеру, способу выражения в предметах и явлениях, постоянству. Характер признака обусловлен природой объекта, которому он присущ, различными внутренними и внешними отношениями вещей.

Признаки объекта различаются в зависимости от их способности определять качественное состояние объекта. Существенные признаки и свойства вытекают из самой природы вещи, существуют благодаря главным детерминирующим факторам в её структуре. Несущественные признаки и свойства обусловлены внешними по отношению к данному объекту обстоятельствами и зависят от случайного взаимодействия объекта с предметами и явлениями окружающей действительности [16, т.1, с. 114].

Свойство существенного признака являться определяющей характеристикой понятия объекта обуславливает постоянную ассоциацию между

понятиями данного признака и объекта. Лингвистическим выражением такой ассоциации является метонимический перенос обозначения признака на объект, обладающий признаком: weight – /вес/ → /гиря/, perfume – благоухание/ – /духи/.

Такая постоянная характеристика позволяет отнести объект к определенному классу по его существенному признаку или свойству. Поскольку в результате переноса достигается обозначение понятия объекта как члена класса, метонимическое значение закрепляется в языке [16, т.2, с. 219].

Случайная переменная связь между понятиями внешнего признака и объекта, обладающего этим признаком, отражается в сознании говорящих в виде неустойчивой ассоциации, обусловленной конкретной ситуацией. Эта ассоциация имеет место в том случае, когда характеризуется по его индивидуальному признаку. Результатом переноса названия, выражающего переменное отношение между понятиями признака и объекта, является контекстуально обусловленное окказиональное значение: The irritation and resistance melted from Elisa's face [112, с. 350] – Irritation – /гнев/ – /гневное выражение лица/, resistance – /упрямство/ → /упрямое выражение лица/.

Познание человеком окружающей действительности не является, однако, простым её копированием в сознании. В человеческом познании отражение предмета является отражением избранных познанием свойств. Человек может концентрировать внимание на любом, являющемся, по его мнению, существенным, свойстве и отражать предмет через его свойство. Вследствие этого, отражение человеком предметов и их свойств включает в себе момент субъективности.

Говорящий, таким образом, может выделить внешнюю переменную характеристику, объективно не существенную, но часто повторяющуюся у индивидуальных объектов одного класса, и представить её в качестве характерного, специфического признака или свойства. В таком случае объекты, обладающие данной характеристикой, объединяются говорящим в класс внутри

класса.

Метонимический перенос наименования признака на объект в этом случае имеет целью обозначение понятия нового класса, в который говорящий объединяет объекты на основе их общей субъективной характеристики: beauty - /красота/ → /красавица/, grace /грация/ → /грациозная женщина/.

Необходимым условием выбора признака в качестве мотивирующего при обозначении видового понятия является его относительная устойчивость у всех объектов, относящихся к этому виду, независимость данного признака от той или иной конкретной ситуации

В противном случае признак является не видовым, а индивидуальным, присущим лишь единичному объекту.

Многообразие возможных атрибутивных отношений отражается в многочисленных метонимических моделях. Эти модели могут быть объединены в подтипы в пределах атрибутивного типа метонимического переноса на основании того, в системе какого общего класса объектов они отражают атрибутивное отношение.

Данные подтипы объединяются в двух частных типах да отношению к атрибутивному типу метонимического переноса в целом: "признак - объект" и "объект - признак".

Примеры, иллюстрирующие модели переноса, неодинаковы по своему языковому характеру. Узуальность или окказиональность переносных значений, являющихся результатом каждого из случаев метонимического переноса, обусловлена тем, какую по своему характеру атрибутивную связь отражает та или иная модель. Если модель отражает как постоянную, так и переменную связь между понятиями, конкретное наполнение данной издали может иметь как узуальные, так и окказиональные переносные значения. Если же метонимическая формула отражает однородные по своему характеру атрибутивные отношения, конкретные случаи переноса, осуществляющиеся по этой модели, имеют в результате один тип значения - окказиональное или узуальное. В настоящей

работе мы ограничимся выделением наиболее существенных моделей переноса атрибутивного типа.

I. Признак - объект, обладающий данным признаком

I. Признак человека - человек, обладающий данным признаком.

У класса людей говорящие подмечают большее по сравнению с другими классами объектов количество признаков, на основании которых могут быть выделены виды людей, а также присущих индивидам отличительных характеристик, по которым они могут быть противопоставлены другим людям в конкретной ситуации. Вследствие этого модели метонимического переноса этого подтипа обладают наибольшим разнообразием. В зависимости от характера метонимического значения можно выделить модели переноса, результатом которого является узуальное значение, окказиональное употребление, разные по характеру переносные значения.

1.1. Модели метонимического переноса с узуальным значением в результате.

1/ Постоянный внешний признак - человек, обладающий этим признаком: red skin /красная кожа/ – redskin /краснокожий/, pale face /бледное лицо/ – paleface /бледнолицый/, beauty /красота – красавица/.

2/ Возрастная характеристика человека – человек, характеризующийся по возрастному признаку: youth – /юность – юноша/.

3/ Социальная характеристика человека – человек, характеризующийся по социальному признаку: authority /власть – представитель власти/, rank – чин /пост/ – чин /человек, занимающий пост/.

4/ Поведение человека – человек, характеризующийся по его поведению: bore – /скука – зануда/, nuisance – /досада – нудный человек/.

Рассматриваемые виды характеристик являются постоянными! или относительно устойчивыми свойствами многих индивидов. Эти признаки осознаются говорящими как особенные, специфические качества видов людей. В результате метонимического переноса наименования такого свойства на

индивида как члена класса людей, обладающих данным свойством, осуществляется номинация этого вида.

1.2. Модели метонимического переноса с окказиональным значением в результате;

1/ Признак местоположения человека – человек, характеризуемый по его местоположению: *There was only one absence in the entire physics delegation / W.M.L.W.L., 270/* – absence – /отсутствие – отсутствующий.

2/ Состояние человека - человек, находящийся в данном состоянии: *Mrs. E. was all anxiety and fluster [109, с. 112]* – anxiety – /тревога – встревоженный человек/; fluster – /волнение – взволнованный человек/.

В этих примерах характеристика переносится на единичного индивида в конкретной ситуации, а не на индивида как члена класса. Признак носит непостоянный, преходящий характер и является отличительной характеристикой определяемого индивида по отношению к другим индивидам в описываемый автором момент. Метонимическое употребление является в этом случае не номинативным, а квалификативно-характеристическим.

1.3. Метонимический перенос, приводящий как к узуальному так и окказиональному значению.

Моделью переноса наименования, в результате которого может иметь место как номинативное значение, так и квалификативное употребление, является формула "личностная характеристика – человек, характеризуемый по личностной особенности". Индивид как личность обладает различными характерными свойствами. Тем не менее, одно из этих свойств наиболее ярко выражено по сравнению с другими характеристика». Личностные особенности индивидов являются, как правило, устойчивыми. Такие особенности существенны при выделении индивидов, обладающих ими, и противопоставлении их другим людям. На основании общей личностной характеристики индивиды могут быть объединены в класс, понятие которого получает обозначение в результате переноса названия признака на индивида как

члена класса людей, обладающих данным признаком: *notability* – /известность – известная, знаменитая личность/, *celebrity* – /известность, знаменитость – знаменитая личность/, *mediocrity* – /посредственность /свойство/ – посредственность /человек/.

Переносное значение, выражающее общее понятие класса людей, является узуальным.

Характеристика, выражающая не устойчивое свойство объекта, а преходящий признак, присущий индивиду в течение относительно непродолжительного периода, осознается говорящим как квалификативный признак определяемого объекта. Употребление названия признака в значении индивида носит в этом случае окказиональный характер: Hello „popularity, Jack says to Walcott [110, с.139]: *popularity* - /популярность – человек, пользующийся популярностью/.

2. Признак неодушевленного предмета – предмет, обладающий данным признаком.

Система моделей реализации этого подтипа переноса является сложной. Дело в том, что здесь можно выделить общие по своему характеру модели, конкретные реализации которых могут быть, в свою очередь, объединены различными моделями частного характера. Кроме того, в некоторых случаях метонимические значения имеют некоторые семантические особенности, обуславливающие дальнейшее развитие смысловой структуры слова, в результате которого возникают узуальные и окказиональные специализированные значения.

2.1. Модели переноса с узуальным значением в результате

Постоянный внешний признак предмета – предмет, обладающий данным признаком: *Stars and stripes* – /полосы и звезды – американский флаг/, *Maple Leaf* – /кленовый лист – государственный флаг Канады/.

2/ Тип физической характеристики – предмет, определяемой по типу физической характеристики: *colour* – /цвет – цветной предмет – краска/,

weight – /вес – тяжесть, тяжелый предмет /гиря, штанга, грузило/.

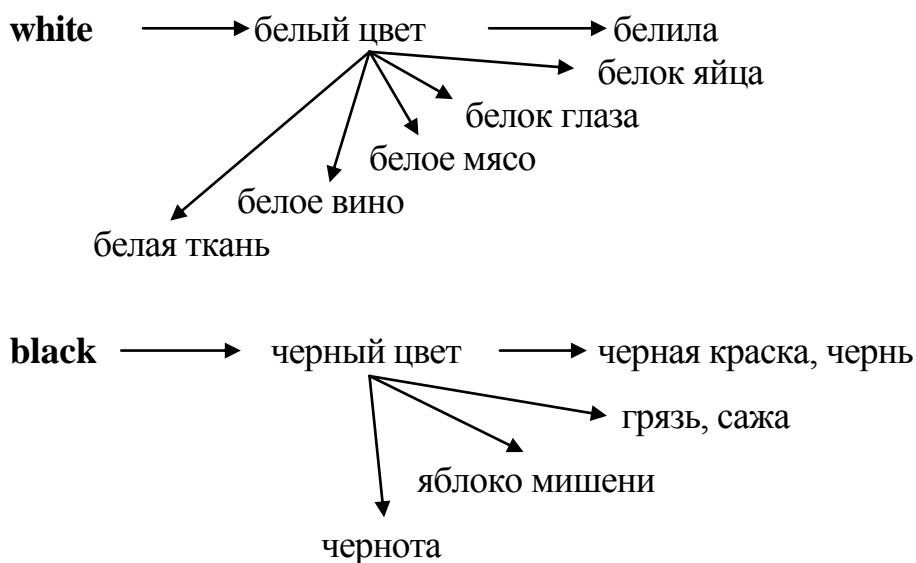
Переносное значение общего характера, однако, не всегда обнаруживает тенденцию к узуальной специализации. Если физическая характеристика типа, выраженного в прямом значении слова, не определяет значения какого-либо конкретного класса или класса объектов, а в равной степени присуща предметам различных видов, конкретизации общего значения с его последующим закреплением в языке не происходит: size – размер – предмет определенного размера.

3/ Конкретная физическая характеристика – характеризующий предмет

а/ Характеристика размера – предмет, характеризующий по размеру:

length – /длина – кусок трубы, троса и т.п./, width /ширина – полотнище/, height – /высота – возвышенность/,

б/ Цвет – предмет, характеризующий по цвету:

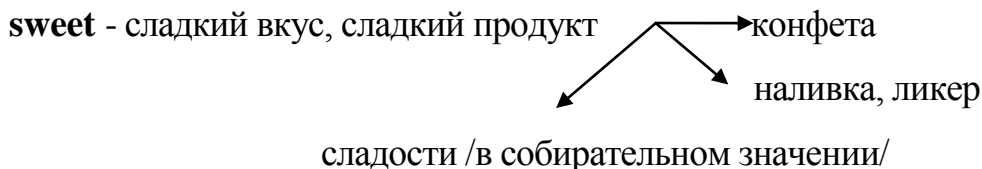

в/ Запах - предмет, характеризующий по запаху: scent - аромат, благоухание - духи, perfume - аромат, благоухание - духи.

Однако, в том случае, когда характеристика запаха может присутствовать у разных видов веществ, не являясь существенной ни для одного из них,

ассоциация между понятиями признака и объекта определенного вида отсутствует: stench - зловоние - что-либо зловонное.

г/ Вкус - предмет, характеризуемой по вкусу:

sour – кислый вкус – кислый продукт – кислый коктейль, сауэр.

bitter – горький вкус, горечь – горечь, горький продукт – горькое пиво

4/ Универсальная характеристика существования – существующий предмет:

reality – действительность, реальность – нечто реальное

being – существование – существование одушевленного объекта, жизнь – живое существо.

5/ Качество предмета – предмет, обладающий данным качеством:

luxury – роскошь – предмет роскоши,

value – ценность /качество/ – рі. ценности. Оказаиональная конкретизация общего значения имеет место только в определенном контексте: "Here we are in the Worst End ", said Dave , bestowing on her the West End and all its luxuries . ..[111, с.310]: luxuries – роскошь – атрибут светской жизни; " Of course its different with you : you are an idealist f meaning you give in to worldly values without dirtying your hands on them [110, с.273]: values – ценности – материальные блага.

2.2. Перенос с окказиональным значением

I/ Переменный внешний признак предмета - предмет, обладающий данным признаком: . . . he only saw what the lorry left behind , not what its ... radiator was

heading for suddenly turning to pass the ramshackle control power and race up the wet shine of the airstrip [110, с.214]: shine - блеск, сияние – бетонная поверхность.

2/ Характеристика порядка следования – предмет, занимающий определенное по порядку место в ряду однородных объектов: ... At No 5 they were still up and he could hear them singing [112, с.344]: № 5 - пятый номер - дом под номером пять.

В рассматриваемых примерах содержанием переносного значения является понятие единичного предмета, характеризующее по признаку, имеющееся у него в конкретной ситуации. Такой признак не ограничен определенным видом объектов. Вследствие этого понятие данного признака вне ситуации не ассоциируется с понятием какого-либо определенного предмета, и метонимическое употребление не обнаруживает тенденции к закреплению в семантической структуре названия признака.

3. Характеристика явления в тексте.

Говорящий может выделять какую-либо общую качественную характеристику различных явлений, осознавать данную особенность в качестве существенного признака класса явлений. Между понятиями характеристики явления и явления, обладающего этой характеристикой, наблюдается устойчивая ассоциация. Вследствие постоянства связи между понятиями, выраженными в прямом и переносном значениях, слово в метонимическом значении входит в систему языка. В системе подтипа "характеристика явления - явление" можно выделить несколько моделей метонимического переноса, в результате которого имеет место узусальное значение.

I/ характеристика действия – действие: atrocity – жестокость– жестокий поступок, charity – милосердие – благотворительная деятельность, mercy – милость – снисходительный поступок.

2/ Характеристика мысли и, суждения – мысль, суждение: abstraction – абстракция /свойство/ – абстрактная мысль, суждение, triviality –

тривиальность, – тривиальная мысль, суждение, naivety – наивность /свойство/
– наивное суждение.

3/ Характеристика, не ограниченная видом явления – явление: stupidity – глупость – проявление глупости, cruelty – жестокость – проявление жестокости, cynicism – цинизм – проявление цинизма.

II. Объект – признак объекта,

1. Человек - признак человека

Перенос названия личности на её признак встречается намного реже и не отличается таким разнообразием видов, как переносное наименование признаков человека на человека. Цель переноса наименования человека на его признак – показать типичность какой-либо характеристики для определенного класса людей. При этом особенности человека характеризуются по их принадлежности человеку определенного уровня развития, психологического склада, профессии, национальности. В результате переноса наименования этого вида может иметь место как узуальное, так и окказиональное значение.

1.1. Перекос, в результате которого имеет место узуальное метонимическое значение:

I/ Личность – особенность, определяющие уровень развития личности: genius – гений – качества гения, personality – личность – свойства личности.

1.2. Перенос, в результате которого имеет место окказиональное метонимическое значение:

I/ Профессия /род занятия/ – профессиональная особенность личности: Moose was almost entirely a hunter, there was little of the trapper left in him [109, с.157] hunter – охотник – свойства, присущие охотнику, trapper – ловец зверей – свойства, присущие ловцу зверей.

2/ Национальность – национальная особенность личности: ...the Highlander in him... thanked God he would have a woman for company at the latter end of the evening [110, с.134]: The Highlander – национальная черта

шотландского характера, шотландец.

3/ Личность – психологическая особенность личности: Just as she mistakes charlatan for a genius , so she believes the adventurer in him is a bold pioneer character [112, с.149]: Adventurer – авантюрист – черта характера авантюриста.

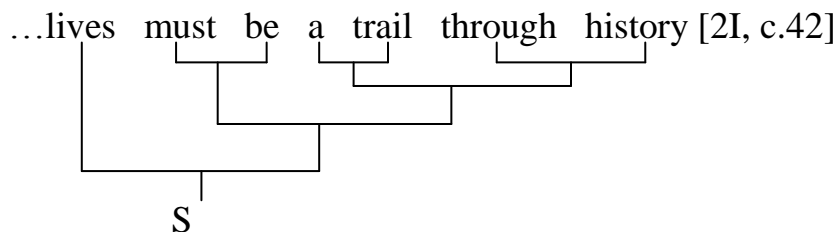
3.4. Принципы контекстуальной трансформации концептуальной метафорики

Уже приведённые определения со всей очевидностью показывают, что понятие развернутой метафоры характеризуется отсутствием терминологического однообразия и соответственно различной интерпретацией сущности этого явления. Представляется, что такая нечеткость зависит, в частности, от отсутствия объективных критериев выделения развёрнутой метафора в совокупности всех ее структурных типов. Исходя из сказанного, задачей данной диссертации является попытка разработать один из возможных подходов к вычленению и определению структурных типов развернутой метафоры.

За рабочее принимается определение СП "развернутая метафора как сложного иерархически организованного семантико-структурного единстве, передающего единый образ. Изучение литературы и наблюдения над языковым материалом позволили нам предложить следующую классификацию “развернутой метафоры”[14];

1) в зависимости от способа соединения простых метафор “развернутая метафора” подразделяется нами на “сложную” и “цепную”; 2) в зависимости от характера распространения элементов сложной метафоры в микро или макро контексте она, в свою очередь, соответственно подразделяется нами на “распространенную” и “итеративную” метафору /или “метафору- символ”/. Таким образом, под термином "развернутая метафора" мы понимаем всю совокупность сложных /распространенных/ и ценных метафор.

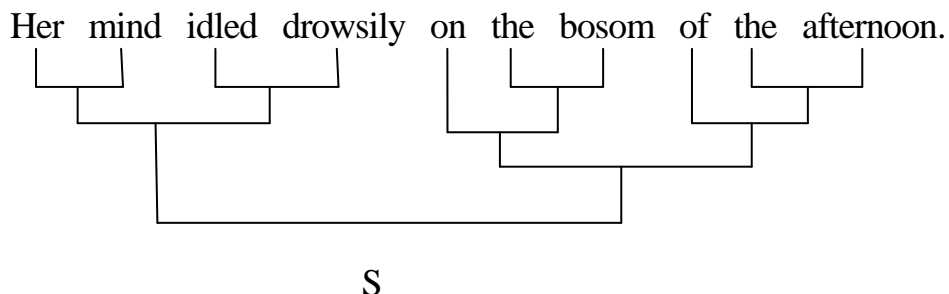
Для доказательства правомерности выделения вышеуказанных структурных типов метафоры мы воспользуемся методом анализа по НС, “который до сих пор в основном применялся для рассмотрения взаимосвязи элементов предложения на уровне грамматики. Попытку использования метода анализе НС для определения структуры сложной метафоры мы находим у В. Эванса [84, с.380]. Вскрывая взаимосвязь элементов высказывания, дерево НС он устанавливает между ними определенные синтаксические отношения, представленные в модели НС в виде иерархии уровней членения, т.е. в виде последовательно включаемых друг в друга групп слов или словосочетаний [24, с.22]. Именно это свойство модели НС – показать последовательность включения друг в друг групп слов или словосочетаний – и применяется нами не только для определения структуры сложной и длительной метафоры, но и для отграничения линейной последовательности простых метафор от развернутой метафоры. Покажем это на нижеследующих примерах, оговаривая, что деление метафор на живые, поэтические и стершиеся для целей нашего исследования является нерелевантным.

Перед нами метафора, структурный тип которой мы попытаемся определить при помощи дерева НС. Проведя соответствующий анализ, мы видим, что дерево НС показывает включенность одного элемента /микрометафоры “a trail through history”/ в другой элемент /макрометафору “...lives must be a trail through history”/, что позволяет отнести этот тип метафоры к сложной. Под сложной метафорой понимается такое соединение метафор, в котором одна из метафор, являясь составным компонентом другой метафоры, включена в нее полностью. Таким образом, сложная метафора

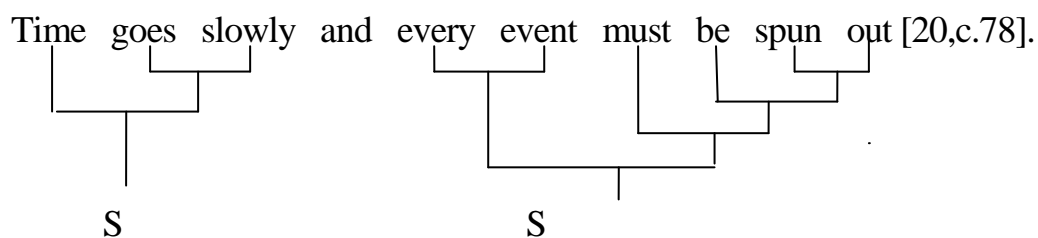
складывается из двух компонентов – центрального /основного, главного, ядерного/ компонента, который составляет микрометафору, и макрометафору, которая соответствует всей сложной метафоре.

Рассмотрим следующий пример: [25, с.96]

Разложение денного предложения на НС показывает, что перед нами простые метафоры (“her mind idled drowsily” к “the bosom of the afternoon”), расположенные в линейной последовательности, а не включенные одна в другую. Но дерево НС раскрывает также связь этих двух метафор в пределах одного предложения, показывая, что одна из них дополняет другую. Все это позволяет нам квалифицировать данный тип метафоры как один из структурных типов “развернутой метафоры”, а именно цепная метафора, под которой понимается ряд взаимосвязанных и дополняющих друг друга простых метафор.

Рассмотрим ещё один пример:

Разложив это высказывание на НС, мы видим, что оно представляет собой просто линейную последовательность двух абсолютно самостоятельных простых метафор и не относится ни к одному и выделенных нами структурных типов “развернутой метафоры” /цепной или сложной/.

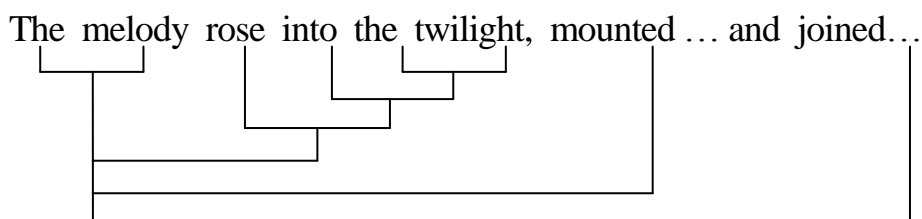
Таким образом, дерево НС наглядно показывает включение ядра метафоры в структуру макро-метафоры – в случае, если метафора сложная; сцепление

метафор – в случае, если мы имеем дело с линейной последовательностью простых метафор; и взаимозависимость, дополняемость одной метафоры другой, если перед нами цепная метафора.

Как показал анализ языкового материала, сложная метафора может получить распространение в серии других метафор, связанных с первой единой функционально-смысловой направленностью). Этот подтип сложной метафоры мы определяем как “распространенная”, под которой понимается сложная метафора, получающая семантико-синтаксическое распространение в серии других метафор. Другими словами, функционально-смысловая связь, объединяющая компоненты распространенной метафоры, реализуется посредством определенных синтаксических связей между ними.

Распространение может получить как простая двучленная, так а сложная метафора. Взаимозависимость смысловых и синтаксических связей наиболее наглядно прослеживается в случае распространения простой метафоры, когда распространение получает один из элементов простой метафора, например, сказуемое “rose” в предложении: “The melody rose into the twilight, mounted to the encircling tree-tops and joined the chorus of the homing rooks” [24, с.111].

Доказательством этой взаимосвязи служат дерево НС.

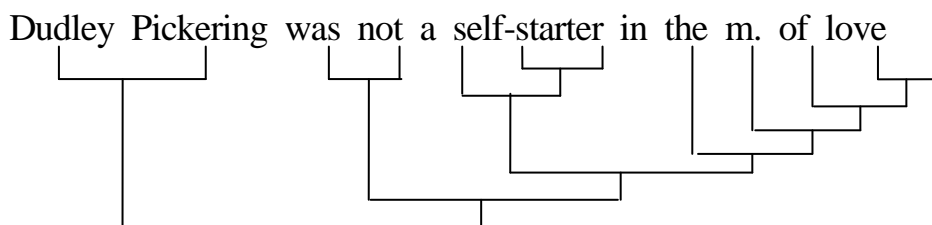
Распространенная метафора оказывается выраженной однородными членами предложения, что и нашло непосредственное отражение на характере построения модели НС. Более того, дерево НС распространенной метафоры наглядно показывает, какой именно элемент получает распространение.

Рассмотрим пример сложной распространенной метафоры:

Dudley Pickering was not a self-starter in the motordrome me of love. He needed

cranking. He was a shy man with a cautious disposition. If he overcame his shyness, caution applied the footbrake. If he succeeded in forgetting caution, shyness shut off the gas. [23, с.8].

Первой метафорой является сложная метафора, что легко доказать, построив дерево НС.

Ядром этой сложной метафоры служит микрометафора self – starter in the motordrome of love, выполняющая синтаксическую функцию предикатива и стилистическую функцию раскрытия характеристики персонажа. Предикативный элемент сложной метафоры получает распространение в ряде других метафор: needed cranking, applied the footbrake, shut off the gas, выполняющих ту же синтаксическую функцию предикатива и углубляющих характеристику персонажа. Ту же характеристическую функцию выполняют и именные компоненты данных метафор: cautions shyness.

Наблюдения над языковым материалом позволяют выделить итеративную /многократную/ метафору или метафору-символ как особый вид распространенной метафоры, получающей распространение на протяжении всего макро-контекста [8, с.24]. Здесь, как и в предыдущем случае, распространение может получить и простая и развернутая метафора.

Символический образ, как художественный прием, обладает большими выразительными и информативными возможностями. “Символ, – отмечает А.Ф. Лосев, – содержит в себе всегда какую-то идею, которая оказывается законом всего его построения, и построение это, будучи воплощением подобного закона, всегда есть определенная упорядоченность, т.е. определенным образом упорядоченный образ” [33, с.198].

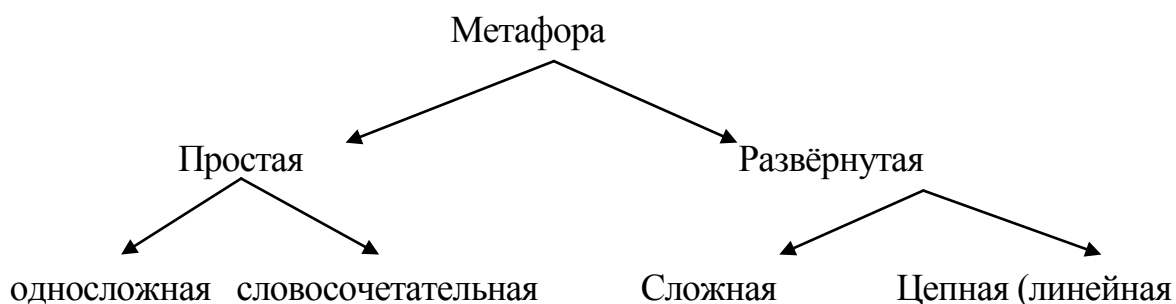
Анализ символического образа в языковом плане позволяет приблизиться к “смысловой глубине”, смысловой перспективе символа, требующего нелегкого вхождения в себя [33, с.82]. Под символикой мы вслед за многими авторами [7, с.93; 14, с.6] понимаем систематическое, целенаправленное использование метафор для создания многопланового сложного образа, несущего большой заряд выразительности и характеризующегося высотой степенью обобщения. Достигается это путем распространения как простой, так и сложной метафоры, которые неоднократно повторяются на протяжении всего произведения, расширяя, углубляя и дополняя первоначальный образ.

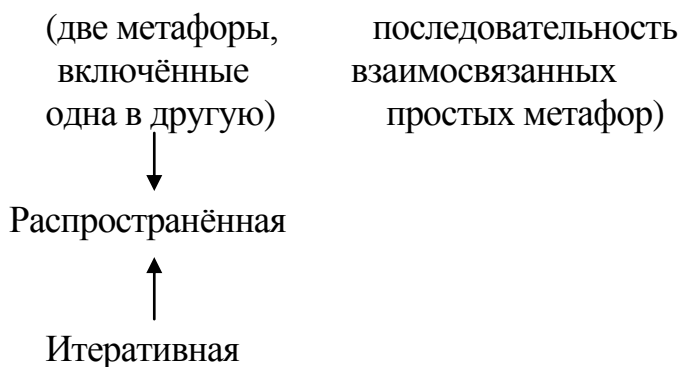
Так, в романе Д. Голсуорси “Собственник” семья Форсайтов отождествляется с животным; “A Forsyte is not an uncommon animal”. Эта мысль получает дальнейшее развитие на протяжении всего романа уже в форме развернутой метафоры, характеризуя как всю семью в целом, так и отдельных ее представителей:

“In the great warren each rabbit for himself, especially those clothed in the more expensive fur, who are afraid of carriages on foggy days, are driven underground” [113, с.332].

“Aunt Ann shook her head. Over her squarechinned, aquiline old face a trembling passed; the spidery fingers of her hands pressed against each other and interlaced as though she were subtly recharging her will” [113, с.52].

Таким образом, предложенный прием анализа по НС представляет возможность уточнить структурные типы развернутой метафоры и предложить следующую ее классификацию:

Выводы по 3-ей главе

Таким образом, несоответствие между семантикой и синтаксисом, выражающееся в том, что конструкции и члены предложения, заданные как однотипные, приобретают то прямое, то метафорическое выражение, широко распространено в поэтической речи. Его отражают даже те поэтические системы, которые, на первый взгляд, ориентированы на слово в прямом значении.

На основе рассмотренных отношений между словом в прямом значении и метафорой складываются тексты разных типов. В одних из них преобладает прямое слово, но на его фоне выделяются отдельные метафоры. В других типах текстов, напротив, преобладает непрямой способ изображения, на фоне которого выделяются вкрапления прямых слов. Между этими полюсами располагаются тексты разных типов, также совмещающие в себе прямой и непрямой способы изображения.

В результате взаимодействия разнокачественных, слов возникает колеблющийся рисунок текста, который принимает самые разные формы в зависимости от того, в какой сфере и с какой целью используются прямые и не прямые обозначения.

Тенденция к закреплению в языке переносного значения наблюдается у слов с меньшей противопоставленностью переносного значения прямому как абстрактного конкретному. Такая противопоставленность в меньшей степени

выражена у слов, прямое значение которых выражает общее понятие личности без конкретизации её профессиональных, национальных, психологических особенностей, отмечая лишь уровень развития личности. В остальных примерах наблюдается резкое логическое противопоставление переносного значения прямому.

Такая противопоставленность способствует сохранению образности и квалификативного характера переносного употребления.

Неодушевленный предмет - признак неодушевленности предмета.

Перенос этого вида также не отличается большим разнообразием.

В пределах подтипа встречаются лишь случаи переноса названия предмета на некоторые конкретные физические характеристики. Целью такого переноса является номинация характеристики по объекту, в котором данный признак находит наиболее яркое выражение. Нам представляется возможным выделить некоторые модели переноса этого вида, в результате которого имеет место узуальное значение.

1/ Предмет - цвет: orange - апельсин - оранжевый цвет, chocolate - шоколад - шоколадный цвет, raven - ворон - цвет воронова крыла.

2/ вещество - вкус вещества: pepper - перец - острота, salt - соль - соленый вкус.

В случаях переноса “вещество - вкус вещества” метонимический перенос, как правило, осложняется метафорой: pepper - перец - острота - острота, едкость /перенос/, salt - соль - соленый вкус - изюминка.

Перенос наименования признака на объект встречается гораздо чаще, чем обратный перенос названия объекта на признак и отличается гораздо большим разнообразием метонимических моделей. Такая несимметричность типов переноса “признак – объект” и “объект – признак” объясняется, вероятно, неодинаковой значимостью для говорящего характеристики объекта по признаку и признака как принадлежащего определенному классу объектов.

В повседневной практике говорящие весьма часто сталкиваются с необходимостью охарактеризовать объект по его признаку, сравнить его с другими предметами того же класса и других классов. Определение же признака по его принадлежности тому или иному объекту встречается гораздо реже. Конкретный объект, как правило, воспринимается сначала в совокупности его признаков, а уж затем отдельные признаки вычленяются в нем в результате логической операции, в текстовом построении концептуальной метафоры.

Заключение

При исследовании языка различаются два аспекта последнего: статический аспект, показывающий устройство языка в определенном синхронном срезе, и динамический, показывающий, каким образом одно языковое явление преобразуется в другое. Преобразование может касаться как плана выражения, так и плана содержания, либо охватывать оба плана вместе. К динамике языка относятся такие явления, как изменение звуков в речевом потоке, словообразование, словоизменительные парадигмы, разнообразные синтаксические трансформации и изменения значения слов. Метафора, как результат отношения между двумя значениями слова, из

которых одно выступает как исходное, а другое как производное, является ярким примером динамики в сфере лексической семантики.

Метафора – универсальное явление в языке. Ее универсальность проявляется в пространстве и во времени, в структуре языка и в функционировании. Она присуща всем языкам и во все эпохи; она охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях. Всеобщий и частотный характер метафоры издавна привлекал к ней внимание наблюдателей и исследователей человеческой речи.

При изучении концептуальной метафоры постоянно обращалось внимание на две ее функции: с одной стороны, она служит средством обозначения тому, чему нет названия, с другой – средством создания художественной речи. Традиция, установившаяся еще в эпоху античности, подчеркивала в особенности вторую функцию метафоры. Это ярко выразил Цицерон: «Вначале одежду придумали, чтобы предохранить себя от холода, затем стали надевать, чтобы украсить и облагородить тело; так же и метафора, порожденная недостатком, получила развитие ради наслаждения» [цит. по: 114, с.10]. Таким образом укрепились тенденции рассматривать метафору в телеологическом аспекте. Но такой подход не определяет всех употреблений метафоры. Перенос значения слова имеет место и в том случае, когда в языке есть обозначение данной реалии, и в том случае, когда нет особой задачи создания художественного образа. Метафора возникает в силу глубинных особенностей человеческого мышления. Если выразить мысль несколько иначе, намеренно заостряя ее, то можно сказать, что метафора возникает не потому, что она нужна, а потому, что без нее невозможно обойтись, она присуща человеческому мышлению и языку как таковая.

В основе концептуальной метафоризации лежит расплывчатость понятий, которыми оперирует человек, отражая в своем сознании вечно изменяющуюся многообразную внеязыковую деятельность. Человеческие понятия постоянно изменяются. Постоянно меняется выбор тех признаков, на основании которого

устанавливаются классы объектов, не связанные непосредственно один с другим. Разнородные объекты объединяются по какому-то новому признаку, включаются на основании этого признака в класс, что позволяет использовать наименование одного из них для обозначения другого. Существует точка зрения, что в метафорах сохраняются пережитки нерасчлененного смутного первобытного мышления человека, связывают метафорические переносы с недифференцированными понятиями, с генетически ранними этапами эволюции мышления. Это не подтверждается данными языковой практики: метафоризация не уменьшается, а расширяется с развитием языка. Если какие-то первоначально метафорические обозначения утрачивают свой метафорический характер, то это не свидетельствует об общей деметафоризации языка, поскольку и в художественной речи, и в научно-техническом языке, и в повседневной разговорной речи постоянно создаются новые метафоры.

Метафора делает абстрактное легче воспринимаемым, не случайно поэтому один из магистральных путей метафорического переноса – от конкретного к абстрактному, от материального – к духовному. Однако возможны и обратные направления метафорического развития значений.

В этом постоянном переносе понятий из одной сферы в другую не только проявляется гибкость человеческого разума. Это необходимо для самого постижения действительности. Метафора является средством формирования параморфной модели, позволяющей представить данную систему с помощью системы, принадлежащей к иной сфере опыта [114, с.105], где данный элемент представлен более очевидно. Не случайно метафора не только широко представлена в обыденной человеческой речи, но лежит в основе фундаментальных понятий многих отраслей науки. Отмечалось, что такие понятия, как «становление», «рост», «развитие», «вырождение» и т. п., – представляют собой группу метафор, основывающихся на модели живого организма. Однако заменить их нечем, если только не другими какими-нибудь метафорами. Метафора является универсальным орудием мышления и познания

мира во всех сферах деятельности. Благодаря ей язык представляет систему в постоянном преобразовании, при этом обязательно подчеркивается, что использование метафор – характерное отличие языка от искусственных знаковых систем.

Изучение концептуальной метафоры в сопоставительно-типологическом плане дает огромный лингвистический материал. Оно позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющую его от общего и всеобщего. Типологически метафору можно сопоставить, как и все другие факты языка, в плане формы, содержания и функционирования.

Формальный аспект концептуальной метафоры проявляется на уровне морфологии (словообразования) и синтаксиса (словосочетаний, конструкции). В языках формируются словообразовательные средства для создания метафорических номинаций. Такими являются различные способы выражения, уподобления, сравнения.

С точки зрения соотношения формы и значения следует различать два типа концептуальной метафоры: полную, при которой формирование переносного значения не связано ни с какими изменениями структуры слова и частичную, когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении.

В плане содержания типология концептуальных метафор включает по меньшей мере два аспекта: а) степень метафоричности и структурно-семантические типы единиц; б) типы метафорических переносов.

Эту общую семантическую типологию можно дополнить структурно-семантическим анализом концептуальных метафор.

Различаются конкретно-чувственный образ, ослабленный (эмоциональный) образ и мертвый образ. Все эти три степени образности свойственны и метафорическим переносам. Первые два типа метафор являются живыми.

Обычно метафорический перенос представляют как трехчленную структуру

И – П – Р, где И – исходное слово, Р – результирующее слово, а П – промежуточное понятие, общее для И и Р.

Вообще при концептуальной метафоризации не следует обязательно искать общих схем, свойственных словарным определениям двух слов. Здесь речь идет скорее об общих ассоциациях, зачастую трудно определимых, ибо метафора зарождается на базе расплывчатых понятий, которыми оперирует человеческое познание. Нет механических правил, алгоритма, которые позволяли бы автоматически переходить от прямого к производному (метафорическому) значению слова. Во многих метафорических употреблениях, основанных на синестезии *heartly / cordial welcome* – тёплый прием, *ardent / passionate love* – горячая любовь и т. п., невозможно говорить о сходстве, как основе метафорического переноса, и все же мы понимаем значение этих выражений. Зыбкое ассоциативное сближение двух предметов, двух понятий не подвергается точному компонентному анализу. И все же можно построить вероятностную модель концептуальной метафоризации, особенно если эта модель имеет экспликативное, а не операциональное назначение. К тому же в основе метафор синестетического характера также лежит сходство, но сходство особого [образно-переносного] типа.

Список использованной литературы

Теория

1. Каримов И.А. Узбекистан по пути углубления экономических реформ. – Ташкент: “Ўзбекистон”, 1995. – 247с.

2. Каримов И.А. Гармоничное развитие поколения – основа прогресса Узбекистана. Речь на Девятой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан // Собр. соч. – Т.6. – Ташкент, 1998. – С. 305-327
3. Каримов И.А. Своё будущее мы строим своими руками. – Т.7. – Ташкент: “Ўзбекистон”, 1999. – 382с.
4. Каримов И.А. Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа // “Ўзбекистон”, 2000. – С.322-340
5. Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения Независимости. – Ташкент: “Ўзбекистон”, 2011. – 383с.
6. Национальная программа по подготовке кадров // Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. Ташкент: “Шарк”, 1997. – С.31-61
7. Абакарова Н.М. О лингвистических средствах представления культурологического понятия “WIT” // Филологические науки. – Москва., 2005. – №2. – С. 93-98
8. Азарова Н.М. Креативность как слово и как концепт // Критика и семиотика. – Новосибирск; Москва, 2014. – №2. – С. 21-30
9. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Москва: Гнозис, 2007. – 320с.
10. Архипов И.К. Природа концепта и методы его изучения // Концептуальный анализ и методы его изучения: Современные направления исследования. – Москва; Калуга, 2007. – С. 30-45
11. Бегматова Н. Специфика существительных со значением лица как ономазиологической категории // Преподавание языка и литературы. – Ташкент, 2005. – №6. – С. 32-34

12. Берёзин Ф.М. О парадигмах в истории языкознания XX в. Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – С. 9-25.
13. Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. – Москва., 2004. – №6. – С. 3-24
14. Богданова Т.В. Национально-культурное наполнение концепта “life”, характерное для британской картины мира // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. – Москва, 2014. – №5. – С. 6-11
15. Богословский В.В. Общая психология. – Москва: Просвящение, 2003. – 351с.
16. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Москва: Изд-во АН, 1963, т.1. – 384с.; т.2. – 391с.
17. Буранов Дж. Концепция обучения иностранным языкам в вузах Республики Узбекистан. Руководитель авторской группы: проф. Дж. Буранов. – Ташкент: УзГУМЯ, 1997. – 32с.
18. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – Москва: Русские словари, 2007. -416с.
19. Волкова Н.В. Метафорика переносного значения английских глаголов видения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2009. – 24с
20. Воркачёв С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические цели. – Москва, 2005. – №4. – С. 76-81
21. Воркачёв С.Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: Поиски метода // Vita in lingua. – Краснодар: КГУ, 2007. – С. 40-56
22. Галиева М.Р. Лингвостилистический анализ слова – концепта Word на материале библейских текстов на английском языке // Преподавание языка и литературы. – Ташкент, 2008. – №2. – С. 36-40
23. Герасимова Д.А. Концепт Eyes в английской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск: ИГУ, 2009. – 24с.
24. Губернаторова Э.В. Метафора как компрессированный компонент перевода: деятельностный аспект. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2014. -135с.

25. Гуревич В.В. Стилистика английского языка. – Москва: Флинта, 2005. – 380с.
26. Дик П.Ф., Дик Н.Ф. Культурология. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. –384с.
27. Донец П.Н. К вопросу об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вопросы языкознания. – Москва, 2004. – №6. – С. 93-99.
28. Елисеева В.В. Лексикология английского языка. – СПб.: СПбГУ, 2003-230с.
29. Знаменская Т.А. Стилистика английского языка. Основа курса. – Москва: Издательство УРСС, 2014. – 208с.
30. Зубкова О.С. Метафористическая категоризация пространства профессиональных языков как рефлексия характера восприятия // Когнитивные исследования. Вып. 19: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. – Москва; Тамбов, 2014. – С.237-245
31. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Москва: УРСС, 2004. –224с.
32. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – Москва: Флинта; Наука, 2004. –281с.
33. Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2014. Вып.19: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира, - 600с.
34. Колпакова Г.В. Семантика языковой единицы. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. – 216с.
35. Коннова М.Н. Концептуальные метафоры времени в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининград: КГУ, 2007. – 24с.
36. Коннова М.Н. Когнитивные сдвиги в семантике темпоральных лексем: корпусный аспект // Методы когнитивного анализа семантики слова: Компьютерно-корпусный подход. – Москва, 2015. –С. 269-310

37. Кравченко А.И. Культурология. – Москва: Академический проект, 2003. – 496с.
38. Кудрявцев И.А. Концепт “общение” в диалогическом дискурсе // Язык. Словесность. Культура. – Москва, 2014. – №4. – С. 56-66
39. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. – Москва, 2000 – №4. – С. 85-109
40. Лукьянова Е.В. Об исследовательском потенциале концепта “потеря” в условиях коммуникации (На материале английского языка) // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков. Часть 2. – Таганрог, 2011. С. 127-131
41. Магировская О.В. Национально-культурные особенности лингвистической картины мира. – Красноярск: Слово, 2004. – 118с.
42. Малых Л.М. Сравнение языков в синхронии: Теоретические и прикладные аспекты. – Ижевск: Удм. гос. ун-т; Институт иностранных языков и литературы, 2013. – 199с.
43. Масленникова Е.М. Лингвокультурные коды и личностные смыслы текста // Вестник Моск. гос. ун-та. – Москва, 2013. – Вып. 15. – С.132-143
44. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: Тетра Системс, 2004. – 256с.
45. Моница Т.С. Синтагматика как фактор формирования речевой семантики слова // Языковые категории и единицы. – Владимир, 2014. – С. 206-216
46. Моница Ю.В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // Вопросы языкознания. – Москва, 2000. – №6. – С.69-97
47. Мощанская О.Л. Картина мира в художественном восприятии англосаксов и древних русичей // Филологические науки. – Москва, 2000. - №1. – С. 31-39

48. Нильсен Е.А. Основные тенденции развития метафор времени в английском языке // Когнитивные исследования языка. – Москва; Тамбов, 2014. – Вып. 19: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. – С. 315-323
49. Новиков А.Л. О контекстуальном смысле слова // Филологические науки. – Москва, 2002. – №5. – С. 82-89
50. Новикова Н.С. Коммуникативная норма и лингвистические проблемы межкультурной коммуникации // Филологические науки. – Москва, 2006. – №2. – С. 93-100
51. Полонская О.Ю. Эмоционально-этические концепты Pride и Humiliation в английском языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск: ИГУ, 2010. – 24с.
52. Романов Д.А. Психолингвистическое обоснование эмоциональной идентификации // Вопросы языкознания. – Москва, 2005. – №1. – С. 98-107
53. Сокаева Л.Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, таджикского и татарского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа: БГУ, 2009. – 35с.
54. Самгар В.Н. Сферы регуляции и нормы речевого поведения // Филологические науки. – Москва, 2003. – №3. – С. 61-67
55. Самигуллина А.С. Метафора в когнитивно-семантическом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2008. – 24с.
56. Сапожникова Щ.С. К семантической систематизации коннотативных значений // Филологические науки. – Москва, 2003. – №2. – С.60-70.
57. Свирепо О.А. Метафора как код культуры: Автореф. дис. ... д-ра. наук. /[http://www.dissercat.com/content/metafora – как – код – kultury](http://www.dissercat.com/content/metafora-kak-kod-kultury).11.06.2012

58. Седых А.П. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы // Филологические Науки. – Москва, 2004. – №3. – С.51-57
59. Селиверстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. – Москва, 2002. – №6. – С.12-26
60. Семашко Т.Ф. Стереотип как фрагмент языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – №2, ч. 2. – С.176-179
61. Сложеникина Ю.В. К вопросу о метаязыке теории вариантности // Филологические науки. – Москва, 2005. – №2. – С. 50-58
62. Соловьёва Ю.А. Концептуальная метафора в англоязычном научном политологическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: МГУ, 2001. – 24с.
63. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Москва: УРСС, 2004. – 256с.
64. Староселец О.А. Экспериментальное исследование понимания метафоры текста [английский язык]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул: АлтайскийГУ, 2008. – 23с.
65. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 312с.
66. Степанов Ю.С. Функции и глубинное // Вопросы языкознания – Москва, 2002. – №5. – С. 3-18
67. Татевосов С.Г. Семантика события как эмпирическая проблема // Философия языка и формальная семантика. – Москва, 2013. – С. 8-42
68. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва: Слово, 2000. – 624с.
69. Титкова О.И. О перспективах лингвистического исследования рекуррентных единиц лексикона // Философские науки. – Москва, 2003. – №2. – С. 79-86

70. Трынкова О.В. Метафорическое моделирование в современном англоязычном постмодернистском литературно-художественном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород: БГУ, 2010. – 24с.
71. Ушакова Ю.Ю. Лицо как субъект сравнения в субстантивной генитивной двучленной метафоре // Философские науки. – Москва, 2005. – №3. – С. 53-59
72. Ушакова Н.В. Когнитивные фильтры в процессе этнокультурной концептуализации // Вестник Томбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2013. – Вып. 12. – С. 129-336
73. Фёдоров М.А. Принципы системного подхода в определении понятий “культура”, “концепт” и “язык”. – Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2012. – 103с.
74. Фоменко Ю.В. О концепте и концептологии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т.14. Вып. 2. – Новосибирск, 2015. – С. 119-123
75. Фреге Г. Смысл и значение // <http://www.philosophy.ru/library/katz/mxm2002a.html>
76. Чес Н.А. Функционирование метафорических концептуальных систем в текстах современной англоязычной прозы: : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: МГЛУ, 2010. – 27с.
77. Четверткова А.А. Знание и его репрезентации в языке // Вопросы романо-германской и русской филологии. – Пятигорск, 2013. – С. 223-234
78. Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. – Москва, 2007. – №2. – С. 3-17
79. Шевченко И.С. Концепты коммуникативного поведения в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник Моск. гор. пед. ун-та. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – Москва, 2014. – №1. – С. 110-120

80. Шехтман Н.А. Лингвокультурные аспекты понимания // Филологические науки. – Москва, 2002. – №3. – С. 50-59
81. Шибанова Е.О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики: На материалах англоязычной прессы: : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: МГЛУ, 2009. – 25с.
82. Шпильная Н.Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности языковой личности. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2014. – 148с.
83. Шустрова Е.В. Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в афроамериканской художественной картине мира: : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: ВГУ, 2008. – 24с.
84. Эванс В. Концептуальная межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) // Язык и мысль. – Москва, 2015. – С.350-387
85. Aitchison J. Language change: Progress or decay? – 4th ed – Cambridge etc.: Cambridge univ. press (Cambridge approaches to linguistics), 2013. –XII, 298p.
86. Backman G. Meaning by metaphor. – Uppsals: (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia anglistica upsaliensia), 2003. – 203p.
87. Black M. Models and Metaphors. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 2007/ - 398p.
88. Bolinger D. Meaning and form. – London: Longman, 2007. – 312p.
89. Gibbs R.W. Metaphor in cognitive linguistics. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2009. – VIII, 233p.
90. Kittay, Eva Feder. Metaphor: Its cognitive force and Linguistic Structure. – Oxford: Clarendon Press, 2007. – X, 358p.
91. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2008. – XIII, 242p.
92. Lattey E. Pragmatic classification of idioms as an aid for the language learner // IRAL. – Heidelberg, 1986. – Vol. 24, №3. – P. 217-238

93. Laughlin R.M. The state of school dictionaries. – “Language arts” (Urbana, Ill.), 1975, vol. 52, №6, p. 826-830, 842.
94. Levin S. The Semantics of Metaphor. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. – 442p.
95. Lyons, John. Introduction to Theoretical Linguistics. – Cambridge: Oxford University Press, 2008. – 518p.
96. Lyons, J. Semantics. Vol. 1-2. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 897p.
97. Miller, George Armitage and Johnson-Laird. Cambridge (Mass), Belknap/Harvard, 1976. VIII, 760p.
98. Ortony A. Metaphor and Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 350p.

Словари

99. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь 5-е изд. – Москва: Русский язык – Медиа, 2006. -1210с.
100. Мюллер В.К. Базовый англо-русский словарь = English-Russian essential dictionary: 80000 слов и выражений. – Москва: Эксма (Б-ка словарей Мюллера), 2014. – 799с.
101. A Supplement to the Oxford English Dictionary. – Vol. 1-2. – Oxford: Ed. by R.W. Burchfield, 2006. – 1326 + 1428p.
102. A Supplement to the Oxford English Dictionary / Ed. by R.W. Burchfield. – Oxford: Clarendon press, 2007. – Vol. 4. – Se – Z. – XXIV, 1410, 46p.
103. Cobuild C. English dictionary. – London, 2007. – XXIV, 1703p.
104. Collins V.H. A Book of English Idioms. – London: Longmans, 2005. -421p.
105. Cowie A.P. e.a. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Vol. I. – Oxford, 2005. 2005. – LXXXI, 396p.
106. Cowie A.P. e.a. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Vol. 2. – Oxford, 2013. – LXIII, 685p.

107. Dixon J.M. English Idioms. – London: Nelson and Sons, 2010. – 792p.
108. Freeman W. A Concise Dictionary of English Idioms. – London, 2013. – 969p.

Тексты

109. Abrahams P. The Path of Thunder. – The Path of Thunder. – London: Penguin, 2007. – 312p.
110. Christie A. Towards Zero. – London: Faber and Faber, 2009. -296p.
111. Durrell, Gerald. The Whispering Land. – London: Penguin, 2007. – 348p.
112. Salinger J. The Catcher in the Rye. – New York: Panther, 2006. – 354p.

Веб-сайты

113. <http://www.fortune.st.uz>
114. <http://www.yandex.ru>
115. <http://terme.ru/dictionary/189/word>
116. <http://www.gramota.ru>
117. <http://www.owl.ru/librariy/oozt.html>